

Пепел
междумирья

18+

Елекс Шепард

**Пепел междумирья. Акт
I. Пепел после битвы**

«Автор»

2026

Шепард Е.

Пепел междумирья. Акт I. Пепел после битвы / Е. Шепард —
«Автор», 2026

Он очнулся среди пепла — без имени, без памяти и с рунами на ладонях, которых не должно существовать. Вейрн трещит по швам: в земле открываются разломы, из Низших Планов выходят твари, а старые крепости получают приказы, после которых живых становится меньше. Единственная дорога ведёт к Грейсваллу — последнему форту на границе умирающих земель. Но по следу Безымянного уже идёт Элианет ван Сильмарин, маг, которая знает, кем он был, и слишком боится сказать правду. Чтобы спасти тех, кого ещё можно спасти, ему придётся вступить в бой с чужой тьмой, пережить смерть, от которой нельзя просто отвернуться, и узнать: его прошлое — не единственная опасность. Потому что кто-то по ту сторону разломов ждёт именно его.

© Шепард Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Елекс Шепард

Пепел междумирья. Акт

I. Пепел после битвы

Глава

Пепел Междумирья

Акт I. Пепел после битвы

Глава первая. Ожог Междумирья

«Чужой знак опасен не потому, что непонятен, а потому, что кажется понятным слишком рано».

— *«Наставление о верном начертании», восьмой урок*

Сначала была боль.

Не та, которой тело предупреждает о порезе, вывихе или сломанной кости. У такой боли есть край. Её можно найти пальцами, зажать, перетерпеть, назвать. Эта не помещалась в плоти. Она проходила сквозь него, будто раскалённую цепь протащили через имя, память и всё, что связывало прожитые годы в одну жизнь.

Он ещё не открыл глаз, а уже падал.

Вокруг не было ни ветра, ни земли, ни привычного чувства собственного веса. В темноте медленно вращались обломки незнакомых небес: синее, исчерченное молниями; красное, где вместо облаков висели каменные острова; белое, расколотое над полем чёрных копий. Между ними тянулись дороги, слишком тонкие для человеческих ног. Некоторые обрывались. Другие уходили в глубину, где не было звёзд.

Он летел мимо них и чувствовал, как каждая пытается оставить в нём след.

Где-то далеко женщина выкрикнула слово. Возможно, его имя.

Он услышал два первых звука — и темнота вспыхнула.

Белая равнина качнулась под ногами. Копейщики в светлых плащах отступали, ломая строй. Их лица были серыми от золы, а древки копий дрожали так сильно, что металлические наконечники звенели друг о друга. За их спинами горели знамёна без ветра. Впереди возвышалось существо, которому тесно было в одном мире: кости торчали из чёрной плоти, цепи уходили из рёбер прямо в воздух, на плечах открывались и закрывались рты, говорившие на разных языках.

Он стоял перед ним.

В одной руке был меч, в другой — ослепительно белая руна, от которой кожа отслаивалась пеплом. Он знал, что сделает через мгновение. Знал, что другого пути уже нет.

— Не смей! — кричала женщина за спиной. — Слышишь меня? Мы ещё можем перестроить круг!

Он обернулся.

Её лицо скрылось за стеной света.

Падение закончилось ударом.

* * *

Он открыл глаза лицом в мокром пепле.

Первым вернулся запах. Дождь, сырая кора, прелая хвоя. Под ними — горечь железа, слишком долго пролежавшего в огне. Потом пришёл холод: земля вытягивала тепло из щеки, из ладоней, из груди. Лишь после этого он понял, что дышит.

Каждый вдох приходилось вырывать у тела. Воздух входил с хрипом, будто в горле осталась зола. Он попробовал поднять голову, и мир качнулся. В висках ударило. Перед глазами проплыл белый свет, затем зелень, затем снова темнота.

Он позволил лбу опуститься на землю и лежал, считая удары сердца.

Один.

Второй.

Третий пришёл с опозданием и болью, которая отдалась под рёбрами.

Считать он умел. Почему-то это показалось важным.

На десятом ударе он согнул пальцы. Они сжали серо-белую крошку. Под ней обнаружилась чёрная спёкшаяся корка, гладкая, как стекло, и всё ещё тёплая в глубине. В одном локте от руки рос мох — яркий, напитанный водой. Крохотные стебельки дрожали под каплями, не зная, что рядом земля умерла.

Граница проходила слишком ровно. Здесь лежал пепел. Там начиналась трава. Несколько листьев на самой черте почернели лишь наполовину, будто огонь остановился посередине жилки и не сделал последнего шага.

Он перевернулся на бок. От движения вспыхнула боль в плече, но сустав работал. Затем на спину.

Над ним сходились кроны. Молодые берёзы тянули вверх светлые ветви, между ними темнели ели. За деревьями поднимались скальные стены, замыкая лес в неровное кольцо. Корни цеплялись за уступы, свисали из трещин. Ветер раскачивал верхушки, и изредка открывался узкий клочок неба.

Серого.

На миг оно стало белым и расколотым.

Далеко, одновременно над головой и внутри черепа, ударили тысячи копий. Кто-то закричал. Тяжёлая поступь сотрясла камень.

Он резко сел.

Лес ответил тишиной. Только вода падала с листьев. Одна капля попала ему на губы. Он слизнул её и почувствовал вкус пепла.

Одежда на нём была разорвана и прожжена. Тёмная ткань плаща спеклась на левом боку, но под ней не оказалось открытой раны. Броня представляла собой набор вещей, словно собранных разными мастерами, никогда не видевшими работы друг друга: лёгкие пластины на груди, широкий наплечник, пряжки из белого металла, кожаные ремни с выгоревшими знаками. Одна пластина не была сломана — её словно вырезали из мира, оставив края оплавленными и гладкими.

Он провёл ладонью по груди. Рёбра отозвались тупой болью. Под ключицей пальцы нащупали тонкие рубцы. Они шли вниз, ветвились по боку, снова сходились. Стоило смотреть прямо, рисунок казался обычными следами ожога. Боковым зрением линии складывались в незнакомую вязь и уходили глубже кожи.

Вязь оставалась незнакомой и всё же была понятна не через слова, а через ощущение двери, которую можно открыть, если согласиться потерять что-то важное.

Он отдёргнул руку.

— Где я?

Собственный голос показался чужим: низким, охрипшим, давно не употреблявшимся.

Ответа не было.

— Кто я?

Этот вопрос оказался хуже.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить лицо матери. Пустота. Дом. Пустота. Детство, первую кровь, первый страх, человека, научившего держать оружие. Ничего. Не тьма даже,

потому что тьма означает пространство, в котором может скрываться предмет. Там была гладкая белая стена, и за ней — давление огромного множества прожитых дней.

Он знал, что они существуют. Чувствовал их вес. Но не мог взять ни одного.

Имя было ближе всего. Оно стояло по другую сторону, словно человек за матовым стеклом. Он потянулся к нему — и ожог на груди вспыхнул.

Боль сомкнулась вокруг мысли. Перед глазами возникло существо из костей и цепей. Его рты раскрылись.

Я знаю, как тебя звали в восьми мирах.

Его вырвало.

На чёрную землю упала жидкая смесь крови и серого пепла. Он стоял на четвереньках, пока спазмы не отпустили. Потом вытер рот тыльной стороной ладони и увидел, что пальцы дрожат.

Страшен был не голос. Страшнее — спокойствие тела: сердце уже выравнивало ритм, ладонь искала опору, будто невозможное случалось прежде.

Где-то справа тихо звякнул металл.

Он повернул голову.

У плоского валуна лежал меч.

* * *

До оружия было семь шагов.

Он почему-то сосчитал их заранее.

Первый дался тяжело. Колени подогнулись, пришлось ухватиться за обугленный корень. На втором мир накренился. Он замер, выравнивая дыхание. Третий и четвёртый прошли легче. К шестому спина сама выпрямилась, взгляд начал отмечать расстояния: от валуна до ближайшей берёзы, от края ожога до папоротников, от его руки до рукояти меча.

Он заметил следы раньше, чем понял, что ищет их.

В пепле отпечатались лапы. Длинные, узкие, с когтями, оставившими борозды. Они шли вдоль границы круга, ни разу не пересекая её. Один зверь обошёл место пробуждения дважды. Другой подходил к мечу и отступил. Третий лежал в траве — примятые стебли сохранили форму брюха.

За ним наблюдали.

Он не ускорился. Спешка сказала бы хищнику, что добыча поняла опасность.

Седьмой шаг.

Пальцы легли на рукоять.

Кожа была тёмной от времени и пота. Под обмоткой чувствовались выемки, точно совпадавшие с его ладонью. Это было первое, что мир вернул ему без боли. Он не вспомнил имени меча — если оно существовало, — не увидел кузницу, не услышал голоса прежнего владельца. Только уверенность: оружие его. Он держал его тысячи раз.

Клинок вышел из пепла с тихим шелестом. Прямой, без украшений, широкий у основания и сужающийся к острию. Вдоль дола тянулись следы расплавленных рун. Некоторые исчезали, если поворачивать меч к свету.

Тело выбрало стойку прежде, чем он решил защищаться. Правая нога отступила на полшага. Плечи развернулись. Лезвие опустилось, оставляя открытой грудь и пряча готовность удара.

В папоротниках хрустнула ветка.

Первая гончая показала морду между листьями.

Когда-то она могла быть волком. От прежнего зверя осталась форма черепа да серая шерсть на загривке. Пасть вытянулась, губы сгорели, обнажив дёсны и два ряда неровных зубов. На месте глаз тлели красные щели. С каждого вдоха из ноздрей сыпался пепел.

Она не вошла в круг. Переступала вдоль края, втягивая воздух.

Вторая мелькнула слева. Третья держалась позади валуна.

Он не помнил названия существ. Знал только повадки. Первая будет показываться. Вторая заставит повернуться. Третья прыгнет в слепую зону. Так охотятся животные, ещё способные доверять друг другу.

Он медленно поднял свободную руку, проверяя, слушаются ли пальцы.

Гончая оскалилась.

— Вы пришли не разговаривать, — сказал он.

Первая бросилась без рыка.

Он сделал полшага в сторону. Клинок поднялся коротко, почти лениво, и вошёл под челюсть. Удар должен был рассечь горло. Вместо крови из раны хлынула густая чёрная жижа, полная серых искр. Тварь ударила его весом в плечо. Он позволил движению развернуть себя и сбросил тело за спину.

Вторая уже неслась слева.

Он встретил её крестовиной, не остриём. Зубы сомкнулись в ладони от лица. Запах из пасти был запахом мокрой печи. Зверь оказался сильнее, чем выглядел. Когти скребли по нагрудной пластине. Он ударил коленом в живот, но гончая лишь дёрнулась.

Третья сорвалась с места.

Времени повернуть меч не было.

Он вскинул левую ладонь, желая только одного: чтобы тварь не успела.

Воздух треснул.

Пепельно-белая черта возникла перед пальцами. Не появилась — скорее открылась, как шов на ткани. Она развернулась углом, перечеркнула расстояние и ударила третью гончую в бок. Существо отбросило к берёзе. Кора почернела. За стволом на один удар сердца открылось другое небо, глубокое и беззвёздное, хотя в нём двигались огни, похожие на далёкие глаза.

Руна не погасла. Она тянулась от ладони к гончей и дальше, куда-то за пределы леса. Холод вошёл в кости.

Существо, повисшее на его руке, завизжало. Он вогнал клинок ему под рёбра и сбросил. Первая гончая, ещё живая с распоротым горлом, ползла по пеплу. Чёрная кровь впитывалась в землю, и там, где она касалась границы ожога, появлялись тонкие белые знаки.

Третья поднялась у берёзы. Задняя лапа волочилась, но красные щели глаз горели ярче. На шерсти проступила та же руна, что на его ладони, только перевёрнутая.

Он почувствовал внезапный чужой голод — глубокий, безличный, направленный не на плоть, а на всё, что отделяло одно живое существо от другого: память, имя, волю.

Откройся, — попросил шёпот.

Он сжал пальцы в кулак.

Белая линия оборвалась. Холод остался до самого плеча.

Гончая ринулась вперёд. Теперь он видел каждое движение. Перенёс вес, пропустил когти мимо лица и ударил снизу. Лезвие вошло между передними лапами, пробило грудь. Тварь дёрнулась, навалилась на него и затихла.

Он вытащил меч и отступил.

Первая гончая перестала ползти. Вторая ещё скребла когтями землю. Он подошёл и добил её одним ударом.

Лес долго молчал.

Капля воды сорвалась с ветки и попала на почерневший клинок. Затем другая. Где-то за скалами крикнула птица. В траве снова застрекотали насекомые.

Он опустил на валун. Рука с мечом не дрожала. Левая дрожала так сильно, что пришлось зажать её между коленями.

— Что это было? — спросил он у бледных линий под кожей.

Они ответили тупой болью.

Память не вернулась. Остался первый достоверный факт: он умел убивать. А руны на левой руке умели нечто, чему он пока не хотел давать имени.

Клинок ничего не говорил о причинах. Одинаково уверенно им могли держать стену, добывать плату или приводить в исполнение приговор.

Он положил меч поперёк колен и осмотрел руки.

На правой ладони у основания большого пальца тянулась плотная мозоль, старая, многократно срезанная и нараставшая снова. Такая появлялась от долгой работы клинком. Между указательным и средним пальцами белел тонкий след ожога. На костяшках — мелкие рубцы. Левая рука выглядела иначе: гладкие пальцы, пепельные линии вдоль запястья. Сталь он держал справа. Для рун оставлял левую — словно заранее разнёс огонь и масло.

Он поднял меч, сменил хват. Обратный оказался знаком. Двуручный — тоже. Попробовал несколько движений, медленно, не разрезая воздух быстрее необходимого. Рубящий сверху. Короткий укол. Отвод чужого клинка. Поворот кисти, способный пройти между щитом и горлом. Тело исполняло каждое без колебания.

Потом он закрыл глаза.

Сразу стало страшнее. Не из-за темноты — из-за доверия тому, что двигалось без памяти. Он заставил себя продолжить. Перехватил рукоять. Сделал шаг влево, пригнулся под воображаемым ударом, развернулся.

Клинок остановился у собственного горла.

Он открыл глаза.

Лезвие лежало в двух пальцах от кожи. Движение завершилось точно, будто он отражал атаку сзади и готовил ответ. Сердце билось ровно.

— Довольно, — сказал он телу.

Слово прозвучало как приказ подчинённому.

Он положил оружие на землю и занялся бронёй. Правая пряжка нагрудника сломалась. Он снял с мёртвой гончей длинную жилу, но та распалась в руках, поэтому пришлось отрезать узкую полосу от подкладки плаща. Пластину на боку удерживал ремень из красноватой кожи, незнакомо выделанной, — она не намокла под дождём и не имела швов. На внутренней стороне виднелись выцветшие руны. Он потёр одну большим пальцем.

Перед глазами вспыхнула кузница.

Низкий потолок, тяжёлые цепи, оранжевый свет. Чьи-то широкие руки затягивали этот самый ремень на доспехе.

— Не нравится мне материал, — ворчал невидимый мастер. — Не горит, не гниёт и на молот отвечает эхом. Нормальная вещь обязана хоть как-то признаваться, из чего сделана.

— Он держит, — отвечал безымянный.

— Стена тоже держит. Пока не падает.

Голос был низким, с каменным акцентом, но лицо мастера память не показала. Только руки: короткие пальцы, тёмные волосы на запястьях, серебряное кольцо с угловатым знаком.

Видение ушло.

Он ещё несколько секунд держал ремень. Внутри осталась неожиданная теплота. Тот человек был знакомым. Возможно, другом. Где-то существовала кузница, где его отчитывали за плохое снаряжение и всё равно чинили его.

Память вернулась не фактом, а отношением. Без имени, места и времени. Тепло осталось; дом — нет.

Он проверил остальные вещи осторожнее.

Металлическая пряжка на поясе показала мост под лиловым небом, по которому он бежал, пока сзади рушились каменные арки.

Кусок синей ткани под наплечником — ладонь женщины, пришивавшей его при свете маленькой руны. Не той, что искала его теперь: пальцы были смуглее, движения медленнее.

Нож в голенище ничего не показал. Обычный, хорошо заточенный, с рукоятью из чёрного дерева. Он почувствовал к нему доверие, лишённое привязанности.

В потайном кармане плаща обнаружили три тонкие пластинки. Одна медная, одна стеклянная, третья из материала, похожего на кость. На каждой была выжжена одна и та же незнакомая руна, но линии различались, словно знак приспособлявали к законам разных мест. Медная пластинка была тёплой. Стеклянная покрылась инеем. Костяная едва слышно шептала.

Он не стал вслушиваться. Завернул все три в обрывок ткани и убрал обратно.

В другом кармане пальцы нащупали что-то круглое. Небольшой диск из тёмного серебра, гладкий с одной стороны и исцарапанный с другой. Для своего размера он оказался непривычно тяжёлым. На краю шли восемь углублений. Семь удерживали крохотные вставки разного цвета. Восьмое оставалось пустым.

Он нажал на красную вставку, затем на синюю. Ни одна не сдвинулась. Пустая выемка тоже не поддалась. Явного шва на металле не было, однако пальцы ощущали по ободу слабую границу, будто две части подогнули друг к другу точнее, чем позволял глаз. Царапины на обороте напоминали не повреждение, а следы частого движения, способ которого тело больше не помнило.

Диск мог быть печатью, ключом, дорожным прибором или замком от предмета, которого рядом не было. Безымянный завернул его особенно тщательно.

На груди под рубахой обнаружилась тонкая цепочка. На ней ничего не висело. Одно звено было разогнуто, словно талисман сорвали во время битвы.

Он сжал пустую цепь в кулаке.

Боль не пришла. Только чувство отсутствия. В отличие от амнезии, оно имело форму. Что-то важное когда-то лежало над сердцем. На поле под расколотым белым небом вещь потерялась или осталась у кого-то другого.

Он отпустил цепочку и попытался проверить знания, не связанные с собой.

Дерево перед ним — берёза. Рядом ель. Растение с широкими резными листьями — папоротник. Он знал, что вода течёт вниз, камень падает, огонь обжигает. Знал стороны света по солнцу, хотя не мог быть уверен, что солнце этого мира движется привычно. Мог прикинуть расстояние до скалы и время до сумерек. Понимал человеческую речь, которой сам говорил.

Память забрала биографию, но оставила привычный порядок вещей.

Он попробовал вспомнить имя хоть одного города.

В голове мелькнули образы без слов: белые башни над морем, крепость в жерле потухшего вулкана, улицы, натянутые между гигантскими деревьями. Названия скрылись.

Имя хоть одного человека.

Женские руки в рунной золе. Руки кузнеца. Тёмный силуэт у синего огня. Ничего.

Он попробовал вспомнить собственный смех. Не причину — звук.

Пустота.

Тогда он взял меч и провёл ногтем по выгоревшей линии на клинке.

— Я человек, — произнёс он.

По крайней мере тело выглядело человеческим.

— Я говорю на этом языке. Умею читать руны, которых не знаю. Сражаюсь мечом. Ношу вещи из разных мест. Кто-то ищет меня. Кто-то другой уже нашёл.

Перечень звучал как донесение о незнакомце.

Он добавил после паузы:

— Я не дал третьей гончей уйти.

Это могло означать жестокость. Или осторожность. Он не знал.

— Я добил раненых быстро.

Милосердие или привычка.

Факты не складывались в личность. Но он продолжал искать границу между жестокостью и милосердием. Этого пока хватало вместо ответа.

Прежде чем идти за серой линией, он решил проверить границы котловины.

Решение было практическим, но за ним скрывалось другое желание. Если существовал путь, по которому он сюда вошёл, значит, по нему можно было вернуться. Не обязательно в прежний мир — хотя бы в место, где начинался шрам. Простая причина лучшего невозможного падения между небесами.

Он начал с обрыва за спиной.

Снизу скала казалась почти отвесной. Вблизи обнаружились уступы, трещины и корни, за которые можно было ухватиться. Другой человек, возможно, отказался бы после первого взгляда. Его тело уже выстраивало маршрут: левая нога на тёмный выступ, ладонь в щель, затем подтянуться к сосновому корню. Высота до первого широкого карниза — примерно шесть человеческих ростов.

Меч мешал. Он завернул клинок в плащ и привязал к спине найденной полосой ткани. Проверил узел дважды. Потом взялся за камень.

Первые три шага дались легко. Пальцы сами находили шероховатости. На четвёртом под сапогом осыпался мох, но рука уже держала корень. Он повис, переждал, пока перестанут сыпаться мелкие камни, и поднялся выше.

С каждым локтем воздух менялся. На дне ложбины пахло мокрой травой и пеплом. Здесь, возле скалы, тянуло холодом из глубоких трещин. В одной лежал снег — серый, не растаявший, хотя вокруг зеленели листья.

Он коснулся его кончиками пальцев.

Снег оказался тёплым.

В глубине трещины что-то щёлкнуло.

Он отдернул руку. Из серой массы показалось маленькое существо, похожее на насекомое с шестью костяными лапками. Вместо головы у него раскрывались две створки, усеянные зубами. Оно прыгнуло на перчатку.

Он ударил кистью о камень. Существо упало, тут же свернулось и прыгнуло снова. За ним в снегу задвигались другие бугорки.

Меч оставался за спиной, достать его одной рукой было невозможно. Он сорвал с пояса нож и прижал тварь к скале. Панцирь хрустнул. Из-под лезвия брызнула прозрачная жидкость, замерзая прямо в воздухе.

В трещине застрекотали десятки челюстей.

Он полез выше.

Мелкие твари высыпали следом. Они двигались рывками: замирали, раскрывали створки, потом мгновенно преодолевали расстояние. Первая вцепилась в подошву. Вторая прыгнула к локтю. Он сбил её о камень, едва не потеряв опору.

Корень над головой затрещал.

Назад было ближе, но внизу ждали острые обломки. Он подтянулся к карнизу, лёг на живот и перекатился как раз тогда, когда корень вырвало из щели. Вместе с землёй вниз посыпались шелкающие существа.

Два остались на одежде. Он раздавил одного рукоятью ножа. Второе забралось под наплечник. Острые лапы заскребли по коже. Он сорвал ремень, сбросил пластину и поймал тварь ладонью через ткань. Створки прокусили перчатку. Боль была резкой, но обычной. Он вогнал нож между половинками панциря.

На карнизе стало тихо.

Снизу Пепельная ложбина открывалась целиком. Каменное кольцо было почти правильным, хотя природные скалы редко складываются в такую форму. Центральный ожог темнел под

ним, как зрачок. От него к северному ручью и западным развалинам тянулись светлые полосы — не тропы, а следы напряжения в земле. Он видел их только с высоты и только краем глаза.

Выход между плитами находился на востоке. За ним начиналась дорога. На юге бурелом скрывал узкую расселину, но она упиралась в обвал. Других путей не было.

Он посмотрел вверх.

До вершины оставалось втрое больше, чем уже пройдено. Скала становилась гладкой. Корни исчезали. По самой середине тянулся широкий чёрный след, будто огромная молния ударила сверху вниз и остановилась у центра котловины.

И всё же на карнизе обнаружились отпечатки.

Человеческие ладони. Одна, вторая, третья. Они шли от края к стене, затем обрывались перед гладким камнем. Размер совпадал с его руками.

Он приложил ладонь к ближайшему следу.

Углубление подошло точно.

Камень под пальцами был оплавлен. Не он поднимался по скале — его невидимое падение ударило в неё, оставило отпечатки в нескольких местах и только потом бросило тело в центр ожога. Пространство пыталось разместить его здесь, но не сразу решило, где именно.

На гладкой стене проступила надпись.

Не высеченная и не нарисованная. Бледные линии существовали внутри камня на глубине пальца. Он не мог прочесть знак целиком: часть уходила за пределы зрения, словно продолжалась не по поверхности, а в другом направлении.

Ожоги на груди отозвались.

Знак означал не «вход» и не «выход».

«Возврат».

В этом слове не было обещания вернуться туда, откуда пришёл. Лишь направление — продолжить оборванный путь, не зная, куда он выведет и что потребует взамен.

Он надавил ладонью на след.

Скала исчезла.

На миг он оказался в бесконечном сером пространстве. Вокруг стояли человеческие силуэты. У некоторых не было лиц. У других отсутствовали руки, голоса или тени. Каждый держал предмет: сломанный меч, детскую игрушку, чашу, окровавленную книгу. Они смотрели в разные стороны. Ни одного он не узнавал, но каждый отзывался болью под собственными шрамами.

Один силуэт приблизился. Лицо оставалось в темноте.

— Что ты отдал на этот раз? — спросил он.

— Не знаю.

— Тогда цена ещё не названа.

— Кто её назначает?

Силуэт поднял пустые руки.

— Никто. Поэтому она всегда настоящая.

Камень вернулся. Безымянный висел над краем карниза, держась одной рукой. Пальцы второй всё ещё лежали в углублении.

Он резко подтянулся и отполз к стене.

Видение могло быть памятью. Могло быть ловушкой. Но белая пустота за именем уже не походила на случайную травму. Переход что-то взял.

Он проверил карманы, будто потерянную память можно было найти среди пластинок и ремней. Всё оставалось на месте. Даже пустая цепочка на груди.

Предметного следа этой цены он не нашёл.

С карниза он увидел ещё одну странность. На западном краю ожога, где лежали убитые гончие, пепел медленно двигался против ветра. Частицы собирались в тонкую линию и ползли к его следам. Время на размышления заканчивалось.

Он спустился осторожнее, чем поднимался. Участок с тёплым снегом обошёл. Несколько щелкающих тварей наблюдали из трещины, раскрывая костяные створки, но не последовали. У самой земли нога соскользнула. Он упал с высоты собственного роста, перекатился и остался лежать на мху.

Спина болела. Ладонь кровоточила после укуса. Зато проверка дала ответ.

Он не вошёл в котловину обычной дорогой.

И единственный доступный путь вёл не назад, а вперёд.

* * *

Он не ушёл сразу.

Выход из котловины был виден между двумя скальными плитами: узкая тёмная щель, за которой бледнел дневной свет. Дорога могла быть там. Люди, ответы, вода, новая опасность — всё, чего следовало искать человеку, пришедшему в себя без прошлого. Но мысль покинуть место пробуждения, не поняв хотя бы его границ, вызывала почти физическое сопротивление.

Это тоже шло от тела. Привычка считать входы. Проверять, нет ли второго выхода. Не оставлять за спиной то, что способно догнать.

Он осмотрел гончих. На телах не было ошейников или следов человеческого ухода. Шерсть вокруг ран распадалась в пальцах сухой золой, под ней виднелась не плоть, а слои чёрных волокон, переплетённых, как корни. Они сокращались ещё несколько минут после смерти. Когда он поднёс к ним острие, волокна потянулись к металлу.

Он вытер клинок пучком травы и отбросил его вместе с пеплом в выжженный круг. Трава вспыхнула холодным серым светом и исчезла без дыма.

Нечего было взять. Ни мяса, ни шкуры. Даже когти, отделённые от лапы, рассыпались, стоило надавить сильнее.

После зверей оставалась только чёрная грязь. Волокна в ней всё ещё тянулись к мечу.

Он вернулся к плоскому валуну. На мокрой поверхности возле того места, где лежал меч, виднелась тонкая серая линия. Раньше он принял её за трещину. Теперь увидел: линия состояла из нескольких знаков, наложенных друг на друга. Один обещал связь. Другой требовал помнить. Третий искал.

Он не умел их читать.

Но понимал.

От этого противоречия заболела голова.

Линия появилась лишь там, где камень оставался мокрым. Когда ветер подсушивал поверхность, знаки исчезали. Он набрал в ладонь воды с листьев, плеснул на валун. Вязь проступила снова и вытянулась к северному склону.

Кто-то оставил след.

Или приманку.

Он проверил баланс меча, закрепил ножны на уцелевшем ремне и пошёл вдоль края ожога.

Северная часть ложбины была живее. Под ногами пружинил мох, папоротники доходили до колен. Между корнями пробивался ручей — тонкий, прозрачный, полный песчинок и светлых личинок. Он опустился рядом и долго смотрел на воду, прежде чем решился коснуться.

Холодная. Обычная.

Он умыл лицо, прополоскал рот. Кровь перестала чувствоваться на языке. Хотел напиться, но заметил странность: несколько листьев и щепок двигались вверх по склону.

Основной поток шёл вниз, как положено. У левого берега вода раздваивалась. Узкая струя поднималась между камнями и собиралась в небольшой чаше у расколотой плиты.

На плите была местная руна. Он решил это сразу, хотя не знал ни мира, ни народа, создавшего её. Знак состоял из глубоких прямых борозд, замкнутых вокруг круглой выемки. В неё когда-то вставляли кристалл или металлический диск. Теперь выемка пустовала, а камень покрылся лишайником.

Серая линия с валуна тянулась поверх старых борозд. Она не подчинялась их форме. Пересекала границы, исчезала в трещине, снова выходила наружу. Похоже было на нить, зацепившуюся за шершавую поверхность.

Он наклонился над чашей.

Вода отражала не его.

Женские руки лежали на чёрном камне. Длинные пальцы были испачканы рунной золой, ногти сломаны. На запястье виднелся тонкий порез, из которого кровь текла не вниз, а вдоль нарисованной связи. Женщина шептала слова. Большинство терялось в шуме, но три он разобрал отчётливо:

— Связь. Память. Поиск.

Её пальцы дрогнули. Руна под ними погасла.

— Нет. Слишком широко. Ты мог уйти куда угодно.

Кто-то за пределами отражения спросил:

— Он мёртв?

Женщина подняла голову. Лица в воде не оказалось, только подбородок и прядь светлых волос, прилипшая к щеке.

— Это никогда не было правильным вопросом.

Он резко отшатнулся.

Отражение вернуло серое небо и его собственное лицо.

На вид ему было около тридцати. Может, немного больше. Тёмные, с пепельным оттенком волосы спутались и прилипли ко лбу. Скулы резкие. На подбородке щетина. Шрам начался у виска и терялся возле уха. Глаза казались обычными, пока он не наклонился ближе: глубоко в радужке мерцали холодные точки, похожие на звёзды за треснувшим стеклом.

Он коснулся лица, убеждаясь, что отражение повторяет движение.

Незнакомец в воде сделал то же самое.

— Это я, — сказал он.

Слова прозвучали нелепо. В воде было лицо, на коже — шрамы, в горле — собственный голос. Но ни один из них не продолжался назад хотя бы на день.

Он попробовал назвать себя первым пришедшим в голову именем.

— Арден.

Никакого отклика.

— Марек.

Пустота.

— Орн.

Чужие звуки. Можно было взять любой и носить, пока никто не возразит. От этой свободы стало не легче. Имя, выбранное из воздуха, казалось одеждой мертвеца: пригодной, но не своей.

В чаше снова пошла рябь.

— Если ты видишь это, — прошептала женщина, — не пытайся открыть ожог силой. Слышишь? Не ищи имя. Ищи то, что осталось глубже.

Он замер.

— Кто ты?

— Останься жив.

— Кто ты?

— Я иду за тобой.

Он опустил руку в воду. Холод сомкнулся вокруг пальцев. Отражение рассыпалось, но вместе с ним пришёл иной образ.

Комната с узкими окнами. За стеклом падал синий снег. Та же женщина сидела напротив и сердито обматывала бинтом его ладонь.

— Ты можешь хотя бы раз не хвататься за руну голой рукой?

— Могу.

— Когда?

— Когда рядом будет кто-то осторожнее меня.

Она подняла взгляд. В нём уже рождалась улыбка.

Воспоминание оборвалось прежде, чем он увидел лицо.

Он выдернул руку. Вода снова потекла вниз, подчинившись уклону. На пальцах осталась серая пыль.

Кто-то его знал. От этой мысли в груди стало теплее, и он тут же прижал ладонь к ожогу, проверяя, не начинается ли новая вспышка.

Женщина просила не искать имя. Просьба могла быть заботой. Могла — страхом перед тем, что он вспомнит.

Он зачерпнул воды, понюхал и всё же выпил. Вкус был чистым, только на языке остался холод металла.

За валуном послышалось дыхание.

Он не повернул голову. Медленно поставил ладонь на землю и увидел в отражении ручья вытянутую морду.

Гончая ждала, пока он наклонится ниже.

Она прыгнула из-за камня. Он перекатился через плечо, уходя от когтей, и выхватил меч. Тварь приземлилась в ручей. Вода вокруг лап зашипела, потемнела. Гончая оказалась меньше прежних, зато двигалась быстрее. Она дважды метнулась вперёд, проверяя дистанцию, и отскочила прежде, чем клинок успел достать.

Тело предлагало преследовать. Разум — ждать.

Он доверился разуму.

Тварь сделала третий ложный выпад, затем прыгнула к горлу. Он встретил её не лезвием, а рукоятью, сбил в сторону и наступил на заднюю лапу. Гончая развернулась и вцепилась зубами в наруч. Кожа затрещала. Он прижал её к камню коленом и вогнал меч под основание черепа.

Чёрная кровь хлынула в ручей. На мгновение серая нить вспыхнула в ней ярче, чем прежде. Она не потянулась к женщине. Ушла вниз, в трещину между камнями.

Оттуда донёсся слабый шёпот:

Нашёл.

Он вытащил меч и несколько раз промыл клинок. Шёпот не повторился.

Связь работала в обе стороны. Внизу уже знали, что он жив.

Он уже собирался покинуть ручей, когда серая пыль на пальцах пришла в движение.

Она не осыпалась. Тонкими струйками поползла к запястью, обогнула ожоги и сложилась на коже в незавершённый знак. Линия дрожала, будто рука, чертившая её издалека, едва удерживала мел.

Связь требовала ответа.

Он вынул рунный мел, начертил на камне местную форму направления и положил ладонь рядом. Затем сосредоточился на двух коротких смыслах: жив и здесь.

Пепельная нить потянулась к руне, но не вошла в неё. Знак направления требовал начала, дороги и конечной точки. Его ответ не называл ни одной. Для камня он стоял у северного склона. Для чужой связки находился где-то на краю межмирового шрама. Обе истины столкнулись. Камень треснул.

Вода поднялась тонкой стеной.

В ней снова появились женские руки. Пальцы были испачканы золой и кровью. Они чертили знаки Поиска так быстро, что линии накладывались друг на друга. За руками мелькнул край разорванного плаща и прядь светлых волос, но лицо осталось за пределами отражения.

— ...если слышишь...

Голос пришёл обрывком, записанным в связке раньше. Это не был разговор. Женщина не видела его и не могла услышать ответ.

— ...не открывай ожог... отражения держат след...

Он всё равно сказал:

— Я жив.

Изображение продолжало двигаться по собственному времени.

Женские руки сорвались, одна руна погасла. Кто-то рядом спросил, мёртв ли человек, которого она ищет.

— Это никогда не было правильным вопросом, — повторила женщина уже слышанную фразу.

Затем тише добавила:

— Правильный — сколько он потерял, чтобы вернуться.

Безымянный замер.

На воде проступили новые кадры: женщина идёт через выжженный лес; втыкает рунные иглы в землю; просыпается у чужого каменного круга и сразу ищет серую нить. Места сменяли друг друга рывками. Она тоже оказалась выброшена в незнакомый край и была ранена, но продолжала поиск.

Почему?

Потому что была обязана? Потому что нуждалась в нём? Или потому что не могла бросить?

Отражение не отвечало.

— ...иди к дороге, — донёсся последний обрывок. — Я найду след снова.

По водяной стене прошла чёрная трещина. За ней открылся далёкий красный свет. Голос из глубины прошептал неразборчиво, пытаясь встроиться в оставленное сообщение.

Безымянный стёр местную руну ладонью.

Вода рухнула. Камень раскололся на три части, а пепельная линия на запястье исчезла. Он ногой толкнул обломки в ручей, чтобы никто не восстановил случайно получившуюся форму.

Женщина знала цену случившегося. Возможно, знала и то, чего он лишился. Спросить нить не позволяла.

Она искала его. Надежда — ещё не доверие, но выбрасывать её он не стал.

* * *

К западным развалинам вела тропа, почти исчезнувшая под корнями.

Он заметил их по прямой линии камней среди деревьев. Природа редко укладывает валуны одинаковой стороной наружу. Здесь когда-то стояла маленькая постройка: две низкие стены, обломанная арка и круглая плита, наполовину скрытая мхом. Молодая берёза выросла прямо из кладки, раздвинув корнями серые блоки. На ржавом крюке всё ещё висел остов дорожного фонаря.

Он был уверен, что перед ним не храм: место не требовало благоговения. Оно служило людям в дороге — проверить амулет, обновить защиту на колесе, оставить огонь для следующего путника. Магия здесь была простой, почти домашней.

Эта мысль вызвала чувство утраты, не связанное с его собственной памятью. Кто-то строил здесь не крепость и не памятник, а обещание незнакомцам: на дороге будет свет. Теперь от обещания остался крюк.

Перед аркой лежала растерзанная косуля. Две гончие кормились молча. Одна удерживала тушу лапами, другая вырывала длинные полосы мяса. На этот раз они ещё сохраняли мех и форму обычных зверей. Пепел проступал лишь вокруг глаз и между рёбрами.

Он мог отступить. Развалины не стояли на пути к выходу. Сухой бинт или забытая фляга не стоили новой раны.

Но на круглой плите за гончими светились серые линии. Местные руны проснулись после его появления или после того, что выбросило его сюда. Оставить их непонятыми означало снова идти вслепую.

Он подобрал камень и бросил в дальнюю стену.

Одна гончая вскинула голову и пошла на звук. Вторая продолжала есть. Он обошёл арку справа, используя деревья как укрытие. Влажная земля глушила шаги. До первой твари оставалось четыре шага, когда ветер переменялся.

Она учуяла его.

Поворот головы, напряжённые плечи — и прыжок.

Он встретил её рубящим ударом по передней лапе. Кость хрустнула. Гончая упала, но вторая уже неслась через развалины, перепрыгивая плиту. Он отступил в проём между стеной и берёзой, чтобы они не могли окружить.

Первая, трёхлапая, бросилась низко. Вторая — к груди. Он ударил верхнюю плечом, принимая когти на наплечник, и одновременно провёл мечом снизу. Лезвие вошло в живот. Чёрная кровь обожгла кисть даже через перчатку.

Трёхлапая сомкнула зубы на сапоге. Он ударил рукоятью раз, другой. Череп выдержал. Перед глазами снова открылась пепельно-белая линия — руна ждала лишь желания.

Он не позволил ей раскрыться.

Вместо этого упёрся пяткой в землю, вырвал ногу и отсёк гончей голову.

Вторая ещё двигалась. Он закончил быстро.

После боя без рун мышцы налились тяжестью, дыхание сорвалось. Зато внутри не звучали чужие голоса. Он предпочёл эту цену.

На круглой плите сохранились три местные вязи. Первая была связана с дорогой. Вторая — с защитой. Третья, почти стёртая, удерживала простое условие: пока горит фонарь и соблюден путь, хищник не пересечёт круг.

Фонарь давно погас. Путь разрушился. Тем не менее руна пыталась исполнить старый приказ. Оттого гончие кормились у границы плиты, но не ступали на неё.

Он провёл пальцем по канавке. Знак отозвался тусклым янтарным светом. Поверх него проступили его собственные линии — тонкие, рваные, пепельно-белые. Местная руна дрогнула, словно не могла решить, считать его путником или проломом в самой дороге.

— Я бы тоже хотел знать, — пробормотал он.

Под аркой уцелел каменный ящик. Крышку заклинило корнями. Он очистил щель ножом, просунул клинок и надавил. Внутри лежали свёрток истлевшей ткани, обломок рунного мела, моток промасленной нити и бинт в восковой оболочке. Бинт сохранился сухим.

Там же нашёлся дорожный амулет: медный круг с четырьмя зарубками и треснувшим серым камнем в центре. Когда он взял амулет, тот нагрелся.

Перед глазами возникла дорога в солнечный день. Телеги скрипели по ровным плитам. Женщина в красном платке держала амулет над кругом, пока рунник проверял линии.

— До крепости два дня, если ось выдержит, — говорил рунник. — У западного знака не останавливайтесь. Он снова сбивается.

Рядом смеялся ребёнок.

Видение исчезло.

Воспоминание принадлежало не ему: оно осталось в треснувшем камне после незнакомых людей и солнечного дня.

Если медь могла удержать чужое мгновение, белая стена в его памяти, возможно, скрывала не одну пустоту.

Надежда была опасной. Он всё равно спрятал амулет за пазуху.

Сухим бинтом перевязал предплечье, где коготь рассёк кожу. Движения снова оказались знакомыми: очистить рану, проверить глубину, затянуть не слишком сильно. На левой кисти под кожей мерцали линии. На правой белели старые шрамы — десятки, полученные в разное время.

Кому он перевязывал раны прежде? Себе? Другим? Сколько раз?

Слишком много вопросов для места, где даже фонарь забыл, как гореть.

Он поднялся и заметил на внутренней стороне арки надпись. Дождь и мох уничтожили половину букв, но остаток читался:

«...свет принадлежит не тому, кто зажжёт, а тому, кто придёт после».

Он провёл рунным мелом по самой глубокой канавке защитного знака. Не заклинание — всего лишь восстановление формы. Затем снял с крюка остов фонаря, очистил чашу от листьев, положил в неё сухую кору и высёк искру найденным возле ящика огнивом.

Пламя было маленьким, обычным, жёлтым.

Руна на плите ожила. Тусклый свет прошёл по кругу, дошёл до трещины и остановился. Этого не хватило бы против стаи. Но вечером кто-то мог увидеть огонь издали и понять, что здесь ещё существует место, где можно перевязать руку и переждать дождь.

Он смотрел на пламя дольше, чем требовалось.

Потом оставил фонарь гореть.

Он уже собирался уйти, когда дождь усилился.

Крупные капли застучали по листьям, по остаткам кладки, по металлической чаше фонаря. За минуту свет между деревьями стал серой завесой. Вода стекала по скалам множественным ручьям, и тропа обратно к ожогу превратилась в поток.

Остаться под открытым небом в мокрой одежде было глупо. Он нашёл у задней стены место, где корни берёзы приподняли плоскую каменную плиту, образовав низкую сухую нишу. Туда едва можно было сесть, подтянув колени.

Он перенёс фонарь ближе, не снимая с крюка. Защитный круг натянулся вслед за огнём, янтарная линия на плите стала тоньше, но не оборвалась. Значит, руна была привязана не к точному положению чаши, а к её роли. Пока путевой свет оставался в пределах поста, условие считалось соблюдённым.

Знание пришло само, и он тут же усомнился в нём. Возможно, руны понимал не разум, а ожоги. Назначение знака ощущалось яснее устройства — как запах еды ощущается раньше вкуса.

Чтобы проверить, он взял рунный мел и на свободном камне повторил одну линию местной вязи.

Ничего не произошло.

Он добавил вторую. Потом третью, замыкая маленький знак света. Форма была правильной. Это он знал с той же безосновательной уверенностью. Но мел оставался мелом.

Знак требовал наблюдателя, смысла и энергии. Рука нарисовала форму; разум понимал значение; источника не было.

Он поставил рядом огарок коры, поджёг его от фонаря и повторил знак вокруг пламени. Линии едва заметно потеплели. Свет стал ровнее, ветер перестал его трогать.

Так работала местная магия: не создавала огонь из пустоты, а убеждала уже существующий гореть определённым образом.

Он поднёс левую руку к своему маленькому кругу.

Ожоги ответили сразу. Пепельно-белая линия проступила на запястье, пересекла местный знак и превратила его значение в нечто другое. Теперь руна удерживала не пламя, а сам

момент между горением и угасанием. Огонёк замер. Не колебался, не пожирал кору, не выделял тепла. В нём застыла одна доля времени.

Красиво. Невозможно. Опасно.

Он отнял руку, но линия не исчезла.

Огарок продолжал гореть, не сгорая. Воздух вокруг похолодел. На камне выступил иней. Из неподвижного пламени донёсся отдалённый крик.

Он стёр знак ладонью.

Огонь мгновенно поглотил всю кору, которую должен был сжечь за пропущенное время, и вспыхнул до потолка ниши. Он отшатнулся, ударился затылком о плиту. Пламя погасло, оставив чёрный след.

Огонь взыскал всё пропущенное разом. Резонанс лишь отсрочил плату.

Он посмотрел на ожоги.

— Значит, так.

Руны не ответили.

В дождевом шуме впервые за день появилось подобие покоя. Он снял плащ, выжал край, разложил на камнях. Расстегнул броню, насколько позволяли ремни. Под пластинами кожа была покрыта синяками разных цветов. Некоторые выглядели свежими, другие успели пожелтеть, хотя с момента пробуждения прошли часы. На левом боку тянулся рубец шириной в ладонь. Он должен был остаться после смертельной раны. Кожа над ним была целой и холодной.

Он коснулся рубца.

Вспышка.

Копьё входит под рёбра. Не на белом поле — в узком зале, где стены покрыты зеркалами. Напротив стоит женщина в золотой маске. Она плачет, хотя её рука не дрожит.

— Если ты вернёшься, — говорит она, — не ищи меня.

Темнота.

Он убрал пальцы.

Другой шрам пересекал плечо.

Мост над огненной рекой. Огромная рука сбрасывает его вниз. Он падает, успевая толкнуть ребёнка к безопасному краю.

Шрам на бедре.

Белые цветы в поле. Стрела. Смеющийся мужчина с синими лентами на копье.

Он перестал прикасаться.

Тело оказалось архивом ран. Каждая хранила обломок без начала и конца, и ни один не объяснял, как он выжил. Он не стал искать для этого слово.

Шрамы болели. Этого было достаточно.

Он снова застегнул броню.

Дождь не слабел. Вода стекала по арке, и старые руны начинали светиться одна за другой. Влага очищала канавки от пыли. На внутренней стене проступили записи, раньше скрытые мхом.

Проступившие записи оказались не заклинаниями, а перечнем.

«Третий месяц дождей. Прошли четыре телеги из Мельничного Брода. Ось починена».

«Патруль серой стены. Семь человек. Один ранен».

«Семья без дорожной метки. Допущена после проверки».

«Северный фонарь не ответил».

«Пепел на дороге после ясной ночи».

Первые записи были аккуратными, сделанными одним резцом. Ниже почерк менялся. Строки становились короче, промежутки между датами — длиннее.

«Караваны больше не идут».

«Двое просили воды. Не назвали имён».

«Снова вой в овраге».

Последнюю запись вырезали торопливо:

«Если знак показывает не на восток — не следовать. Дорога помнит старый путь, но земля под ней уже другая».

Он перечитал строку. Беда пришла сюда не вчера. Сначала люди записывали признаки, чинили знаки, предупреждали следующих. Потом резец замолчал.

Под надписями он обнаружил грубо выцарапанный детский ростомер. Несколько горизонтальных черт, рядом даты и имя «Лио». Последняя отметка находилась на уровне его пояса.

Сын смотрителя или ребёнок из каравана — безымянный не знал. Но мог представить, как Лио вставал спиной к камню и ждал, пока взрослый поставит новую черту.

Он провёл пальцем по последней черте.

Он убрал руку. Где бы ни был Лио теперь, когда-то здесь ждали его взросления.

Из леса донёсся протяжный вой.

Гончие отвечали друг другу с разных концов котловины. Один голос прозвучал у северного склона. Второй — возле выхода. Третий пришёл из центрального ожога и был слишком глубоким для зверя.

Фонарь дрогнул. Защитная руна вспыхнула ярче.

По краю круга прошла тень.

Он взял меч и встал под аркой. Дождь мешал видеть дальше нескольких шагов. Между деревьями двигались красные точки. Пять, семь, десять. Они не приближались. Стая собиралась вокруг поста, соблюдая границу старой защиты.

Одна гончая вышла на свет. Крупнее убитых, с костяными наростами вдоль позвоночника. На морде сохранился обрывок кожаного ремня — когда-то зверь носил ошейник. Может быть, был собакой при этом же poste.

Она остановилась перед янтарной линией и подняла лапу. Когти коснулись света. Запахло палёной шерстью. Гончая не отдернула лапу. Давила, пока руна не начала меркнуть.

Остальные повторили движение в разных местах.

Они не просто охотились. Проверяли круг.

Повадки стаи сохранились. Но терпение принадлежало не зверям.

Он посмотрел на фонарь. Масло или иной источник в чаше почти выгорел. Кора поддерживала огонь, но местная вязь требовала постоянного света. Если пламя погаснет, круг исчезнет.

Можно было использовать свои руны и снова остановить момент горения. Тогда огонь продержался бы, пока не придётся платить отложенную цену. Но резонанс уже привлёк безликого шептуна. Каждая вспышка становилась маяком.

Он выбрал более простое решение.

Под разрушенной стеной лежали обломки старой мебели. Он вытащил сухую внутреннюю доску, расколол ножом. Добавил щепу в чашу, затем отрезал полоску промасленной ткани из подкладки ножен. Огонь поднялся. Янтарная линия укрепилась.

Гончая с ошейником зарычала.

— Не сегодня, — сказал он.

Она смотрела почти осмысленно.

Потом отступила. Следом лапы убрали остальные. Красные глаза растворились среди деревьев, но вой продолжал звучать, перемещаясь к южному бурелому.

Тело не хотело вести его к южному бурелому. Оттуда тянуло кровью, а стая слишком старательно освобождала дорогу.

Дождь начал слабеть.

Он мог двинуться к выходу. Сразу. Оставить юг хищникам и сохранить силы для дороги. Это было разумно. Погибшему уже не помочь, если запах крови означал именно мертвеца.

Но возле бурелома мог лежать раненый.

Он затянул ремни, вернул фонарь на прежнее место и вышел под редкие капли.

Стая не напала. Она уже получила то, чего хотела: повела его на юг.

Он понимал это.

И всё равно пошёл.

Сразу за кругом следы разделились. Гончьи лапы уходили широкой дугой к югу, не скрывая направления. Между ними тянулась узкая полоса примятой травы. Что-то волокли — или кто-то полз, опираясь на один локоть.

Дождь должен был размыть кровь, однако отдельные капли оставались на листьях густыми и тёмными. Они не стекали. Он коснулся одной кончиком ножа. Обычная человеческая кровь, уже холодная.

След был старше ливня.

Он двигался вдоль него, останавливаясь у каждого места, где примятая трава исчезала на камнях. Незнакомая часть сознания восстанавливала путь по мелочам. Царапина на коре на высоте плеча: человек падал вправо и пытался удержаться. Мох содран носком сапога: левая нога не слушалась. На земле короткая ровная борозда: волочилось копыё или посох. В одном месте виднелись отпечатки ладоней. Пять пальцев, человеческие.

Рядом шли гончие.

Но не нападали.

Их следы окружали человеческие, иногда подходили вплотную и снова отступали. Стая гнала раненого в определённую сторону. Точно так же теперь направляла его.

Он замедлил шаг.

Если ловушка строилась на желании помочь, спешка была её главным оружием. Он осмотрел верхушки деревьев, корни, тёмные проходы между валунами. Ничего. Только капли падали с листьев после закончившегося дождя.

Тропа вывела к неглубокой яме под вывороченным корнем. Там лежала косуля. Задняя нога была сломана, бок тяжело поднимался. На шерсти не было пепла, глаза оставались ясными. Животное увидело его и попыталось встать, но рухнуло.

Вокруг отпечатались гончьи лапы. Ни одного укуса.

Они оставили её живой как ещё одну приманку.

Он опустился рядом. Косуля метнулась, ударила передним копытом. Сил почти не осталось. Перелом был открытым, кость раздроблена. Даже если остановить кровь, животное не уйдёт от стаи.

Рука сама легла на рукоять ножа.

— Прости.

Он сделал быстро.

После смерти косули кусты справа зашевелились. Из них выскочил детёныш — пятнистый, дрожащий, слишком молодой, чтобы выжить один. Он ткнулся носом в бок матери, отпрянул от запаха крови и замер, не понимая.

Злость пришла сразу — не на детёныша, а на ловушку. Косулю можно было оставить страдать или убить; детёныша — прогнать от тела или оставить стае. Чужая воля умела портить не только плоть. Она подсовывала выбор, после которого руки всё равно оставались грязными.

Он снял с пояса моток нити, сделал петлю и поймал детёныша за передние ноги. Тот забился, тихо замычал. Безымянный завернул его голову краем плаща, поднял и отнёс к северной части леса, туда, где следов гончих было меньше. За ручьём нашёл густой ельник, оставил животное под ветвями и отступил.

Детёныш не убежал. Стоял, прижавшись к земле.

— Дальше сам, — сказал безымянный.

Возможно, через час стая всё равно его найдёт. Сейчас детёныш был жив и находился севернее её следов.

Когда безымянный вернулся к яме, тело косули исчезло.

На мокрой земле остался лишь кровавый отпечаток. Следы волочения уходили к югу.

Стая подобрала приманку, пока он отсутствовал.

— Хорошо, — произнёс он. — Теперь я знаю, что вы боитесь подходить, пока я смотрю.

Из чащи ответил тихий треск.

Дальше он шёл спиной к скале, выбирая места, где обзор оставался открытым. Несколько раз видел гончих: серый хвост за валуном, красный глаз между корнями. Они сопровождали, но не бросались. Вожак с обрывком ошейника показался на гребне и исчез.

У подножия южной стены обнаружилась старая костровая яма. Угли размыло, но под верхним слоем золы сохранялось тепло. Рядом лежали щепки, обрезок ремня и жестяная кружка с эмблемой серой стены. Раненый провёл здесь часть ночи.

На камне он вырезал семь вертикальных чёрточек. Потом восьмую, перечёркнутую.

Счёт дней? Людей в патруле? Гончих?

Под камнем нашлась ещё одна бумага, защищённая промасленной тканью. Это был клочок донесения:

«...третий фонарь не отвечает. На западной линии обнаружены следы незарегистрированной вязи. Цвет — белый с пепельным краем. Мастер Орст считает, что знак не относится к школам Вейрна. Командир велел изъять образец и не поднимать тревогу до распоряжения Ардхейма...»

Белый с пепельным краем.

Такие руны появились на его коже лишь сегодня — или сегодня для него. Донесение было старше. Края бумаги истёрлись, чернила выцвели. Значит, похожая вязь существовала в Вейрне до его появления.

Или сегодняшний ожог был не первым следом такой силы в Вейрне.

В нижней части клочка сохранилась приписка другой рукой:

«При повторном обнаружении сообщать не командованию форта, а напрямую Сайровой канцелярии. Свидетелей удерживать».

Подписи не было.

Он завернул бумагу в промасленную ткань. Кто бы ни правил этим краем, власть уже знала о чужих рунах и предпочитала скрывать их даже от собственных солдат.

Костровая яма дала ещё одну подсказку. Раненый был не один, когда пришёл сюда. На мягкой земле отпечатались два разных сапога. Один — солдатский, с подбитым железом каблуком. Второй — узкий, без гвоздей, с поперечной насечкой. Следы второго человека начинались у костра и заканчивались через несколько шагов, словно он исчез.

Или перестал иметь вес.

Безымянный положил ладонь рядом с отпечатком. Пепельные линии на запястье дрогнули. Из земли поднялся холод, а вместе с ним — обрывок разговора.

— ...не смотрите на него, — говорил раненый. — Оно показывает тех, кому доверяешь.

Другой голос ответил голосом женщины из ручья:

— Поздно. Ты уже посмотрел.

Видение оборвалось.

Существо вытаскивало лица из памяти жертвы. Солдат увидел того, кому доверял, и подпустил близко. Безымянному оно показало его самого — единственное доступное лицо.

Белая пустота пока защищала от одной лжи и оставляла место для сотни других.

Он поднялся. Теперь ловушка была понятнее.

Понимание не делало её безопасной.

Возле следующего каменного уступа висела полоска светлой ткани. Такая же, как волосы женщины в отражении, почти белая в сером лесу. Он не коснулся. Обошёл и увидел с обратной стороны: ткань вырвали из подкладки солдатской формы. На ней сохранилась эмблема стены.

Ещё дальше кто-то позвал:

— Помоги.

Голос ребёнка.

Он продолжал идти.

— Пожалуйста. Здесь темно.

В глубине бурелома показалась маленькая рука.

Он остановился на расстоянии десяти шагов.

— Выйди на свет.

— Не могу. Ногу зажало.

— Как тебя зовут?

Пауза была слишком длинной.

— Лио.

Имя с ростомера в дорожном посту.

Шептун прочитал его из недавней памяти.

— Сколько тебе лет, Лио?

— Семь.

Последняя отметка на стене соответствовала ребёнку примерно девяти или десяти.

— Покажи вторую руку.

Из темноты появилась другая. На ней было шесть пальцев.

Он сделал вид, что убирает меч в ножны.

Существо бросилось.

Маленькие руки вытянулись в длинные серые конечности, детский голос распался на гул. Безымянный шагнул в сторону и рубанул по локтю. Клинок встретил сопротивление, будто вошёл в мокрое дерево. Шептун не имел лица; на гладкой голове открылась вертикальная щель.

Из неё хлынули чужие просьбы о помощи.

Он отступал, не позволяя пальцам коснуться кожи. Существо двигалось быстро, но повторяло его собственную стойку — неточно, с задержкой в полмгновения. Оно крало не только лица, но и движения.

Безымянный сменил манеру. Перехватил меч обратным хватом, намеренно открыл бок. Шептун скопировал. Тогда он бросил оружие из правой руки в левую и ударил ножом из голенища. Лезвие вошло в гладкое место под подбородком.

Тварь завизжала голосами ста человек.

Она оттолкнула его. Спина ударилась о камень. Меч выпал. Шептун навалился, пальцы сомкнулись на нагрудной пластине. Через металл в него хлынули образы.

Он душит солдата.

Он ведёт гончих к посту.

Он оставляет косулю в яме.

Чужие действия приходили изнутри его глаз. На мгновение настоящее смешалось с внушением: пустому прошлому предлагали готовую замену.

Пальцы шептуна потянулись к горлу.

Безымянный впился в его запястья. Холод проник под кожу.

— Покажи то, чего я не знаю, — выдохнул он.

Тварь замерла.

— Ты можешь взять только то, что уже увидела во мне. Лио. Женщину. Моё лицо. Покажи хоть одно настоящее имя.

Щель на лице задрожала.

— Покажи мой дом.

Вместо дома возник дорожный пост.

— Моего учителя.

Шептун показал руки кузнеца из недавней вспышки.

— Моё имя.

Голоса захлебнулись.

Ответа не последовало. Тварь строила ложь из того, что увидела сегодня, и за белую стену пройти не могла.

Страх ослаб.

Он ударил лбом в гладкое лицо, высвободил одну руку и прижал ладонь к груди шептуна. Руна вспыхнула сама, но на этот раз он не позволил ей выбрать смысл. Не уничтожить. Разделить.

Белая линия вошла в серую плоть и разошлась сотнями ответвлений. Каждое было связано с украденным голосом. Он почувствовал людей, чьи последние слова носило существо: погибшего солдата; женщину, звавшую дочь; старика, просившего оставить ему нож; двоих патрульных; безымянного рунника.

Он разомкнул связи.

Голоса вырвались наружу. Шептун потерял форму. Его пальцы стали короткими, потом исчезли. Гладкая голова распалась пылью. На земле остался лишь пустой плащ.

Безымянный лежал рядом, не в силах пошевелиться. Чужие последние слова ещё кружили в голове, но постепенно умолкали. Ни одно не осталось его памятью.

Украденные голоса стихли по одному. По крайней мере, больше они не служили чужому голоду.

Руна на ладони погасла. По коже пошла кровь.

Он поднялся не сразу. Нашёл меч, проверил пальцы, сосчитал вдохи. Затем вернулся к следу человека, которого шептун убил.

* * *

К югу лес становился темнее.

Скалы сходились ближе, заслоняя свет. Поваленные деревья лежали друг на друге, и в переплетении корней чернели узкие проходы. Некоторые казались достаточно широкими, чтобы протиснуться, но через несколько шагов упирались в камень или уходили под землю. Воздух пах сырой корой, грибами и старой кровью.

Он двигался медленно, проверяя землю перед каждым шагом. Здесь пепел лежал отдельными пятнами, будто его принёс ветер, хотя в замкнутой котловине почти не было сквозняка. На одном стволе виднелись пять длинных борозд. Не когти гончей — слишком высоко и глубоко.

За буреломом что-то блеснуло.

Он перелез через ель, вывернутую из земли вместе с корнями. За ней обнаружилось тело человека.

Погибший лежал лицом к завалу. Одна рука была вытянута в узкую расщелину, пальцы вцепились в корень. На нём оставались кольчуга, кожаная куртка и нагрудная пластина с эмблемой серой стены. Шлем валялся рядом, заполненный дождевой водой. Волосы слиплись на затылке. Кожа приобрела цвет старого воска.

Человек пытался выбраться. Не оборонялся, не искал укрытие — полз туда, где прохода не было.

Он присел, не касаясь тела. На сапогах погибшего налипла светлая глина, которой в котловине не встречалось. На левой ноге виднелся след укуса. Края раны обуглились, но чёрные нити не распространились дальше колена. Кто-то наложил жгут и прижёт плоть руной. Работа грубая, зато верная.

Солдат мог прожить после этого несколько часов.

Причиной смерти стала не рана. На шее остались тёмные отпечатки пальцев — слишком длинных и тонких для человека. Они сходились спереди, будто нечто душило его, стоя лицом к лицу. Однако вокруг не было следов борьбы.

Он осторожно перевернул тело.

Глаза оказались открыты. В них застыли ужас и узнавание.

— Ты видел кого-то знакомого, — тихо сказал он.

Откуда пришла уверенность, он не знал.

В сумке погибшего лежали пустая фляга, кремёнок, кусок затвердевшего сыра и сложенная вчетверо записка. Чернила расплылись от воды. Сохранились несколько строк:

«Орвену Латту, Двор Старой Межи.

Западный патруль не вернулся. На Дороге Без Имени брошенные повозки, у низкого моста следы стаи. Если западный знак ещё горит, веди людей к Грейсваллу. Не жди нас. Повторяю: не жди патруль.

В овраге слышали...»

Дальше бумага разорвалась. Внизу стояла подпись, но имя размыло дождём.

Грейсвалл.

Первое название места в этом мире.

Он повторил его вслух, проверяя звучание.

— Грейсвалл.

Ничего знакомого. Ни образа, ни боли. Название осталось лишь направлением.

В другой карман солдат положил деревянную фигурку птицы. Простая работа: круглая голова, острый клюв, насечки вместо крыльев. Одно крыло потемнело от прикосновений. Возможно, игрушка ребёнка. Возможно, память о доме.

Он положил фигурку обратно.

Забрал флягу, кремёнок и записку. Сыр оставил. Потом снял с погибшего плащ, разрезал на две длинные полосы и накрыл ими лицо и руки. Земля была слишком каменистой, чтобы выкопать могилу одним мечом. Можно было сложить сверху камни, но запах крови уже привлёк бы хищников, а времени становилось меньше.

Он всё равно начал.

Первый валун оказался тяжёлым. Поднять его удалось только обеими руками. Второй был легче. На третьем рана предплечья открылась, бинт покраснел. Он остановился, посмотрел на тело и спросил себя, зачем тратит силы на человека, имени которого никогда не узнает.

Ответ пришёл без воспоминания.

Он не смог оставить погибшего лежать лицом в грязи. Причины тело не объясняло.

Он сложил камни до пояса погибшего. Больше не смог. Этого не хватило для настоящей могилы, но лицо оказалось закрыто, а деревянная птица — спрятана под плащом.

Когда он поднялся, освобождённые голоса ещё шелестели в мокрых листьях. Большинство слов распалось, не успев обрести смысл. Одно имя удержалось дольше других. Его пронёс мужской голос, усталый и ясный:

— Кайр Вен.

Теперь у мертвеца было имя.

Он вернулся к камням, вынул из-под плаща записку и рунным мелом написал на верхнем валуне два слова. Почерк оказался резким, уверенным, непривычным для руки, которая якобы ничего не помнила.

«Кайр Вен».

Подумав, добавил:

«Шёл предупредить живых».

Имя изменило тело.

Пока перед ним лежал безымянный солдат, тот был частью опасного места: следом нападения, источником записки, доказательством присутствия людей. Кайр Вен оказался человеком, который утром мог сердиться на дождь, знал дорогу к Грейсваллу и нёс деревянную птицу кому-то, способному ждать.

Безымянный вернулся к вещам погибшего и осмотрел их снова — уже не как добычу.

На внутренней стороне нагрудной пластины ножом выцарапали: «Третий западный патруль». Ниже стояли восемь коротких зарубок. Теперь стало ясно, что чёрточки у костровой ямы обозначали людей. Восьмая была перечёркнута ещё до последнего похода.

Он нашёл жетон на кожаном шнурке. Серый камень, отполированный с одной стороны. На лицевой вырезано имя, на обороте — место службы и две руны: Долг и Возвращение. Вторая треснула пополам.

Забрать жетон означало получить доказательство смерти. Оставить — сохранить его при теле. Он вспомнил записку Орвену. Если человек по имени Орвен ждал патруль, одного письма могло быть недостаточно. Люди цепляются за надежду даже после того, как она начинает причинять боль.

Безымянный снял жетон и положил рядом с запиской.

— Верну, если найду тех, кому он нужен.

Слова легли тяжело. Мёртвый не мог ни потребовать исполнения, ни простить отказ.

Под телом обнаружилась плоская сумка, ремень которой порвался. В ней лежал походный журнал. Большинство страниц промокло, но середина сохранилась между двумя вощёнными листами.

Кайр писал коротко.

«Девятый день. Западный знак снова показывает к северной стене. Оскер говорил, что надо менять сердечник. Командир ответил: новых нет».

«Десятый. Нашли телегу без людей. Еда на месте. Следов борьбы нет. На стекле изнутри нарисована серая нить».

«Одиннадцатый. Хольт слышит голос жены. Его жена в Ардхейме. Связали руки на ночь по его просьбе».

«Двенадцатый. Хольт исчез. Верёвка не разрезана. В палатке мокрый пепел».

«Тринадцатый. Командир велел записать дезертирство. Никто не возразил».

Последняя фраза была продавлена так сильно, что перо разорвало бумагу.

На следующей странице:

«Четырнадцатый. Нашли Хольта у оврага. Он шёл с нами до вечера, пока Тис не спросил про жену. Хольт ответил её голосом. После этого лица уже не было».

«Осталось шестеро».

«Пятнадцатый. Запечатали овраг тремя малыми рунами. Мастер погиб. Печать держит плохо. Донесение не приняли: нет подписи командира».

«Шестнадцатый. Командир пропал».

«Осталось четверо».

Дальше почерк становился неровным.

«Семнадцатый. Мы видим свет Старой Межи, но дорога возвращает нас к одному и тому же камню. Разбили руны направления. Тис говорит, что так нельзя. Я сказал: лучше никакой путь, чем ложный».

«Восемнадцатый. Тис ушёл на голос ребёнка. Детей у него нет».

«Осталось двое».

«Не знаю день. Лем ранен. Гончие не нападают. Ждут».

Последняя запись занимала половину страницы:

«Лем попросил идти одному. Я отказался. Ночью услышал, как он разговаривает с матерью. Утром вместо него был плащ. Не знаю, ушёл ли он или его никогда не было со мной после оврага.

Остался один.

Если дойду, скажу Орвену закрыть двор. Если не дойду, пусть тот, кто найдёт журнал, не верит голосам. Они знают только то, что уже отняли или услышали. Спросите их о том, чего не говорили вслух».

Безымянный перечитал последнюю строку.

Совет Кайра он прочёл слишком поздно, но шептун уже носил эти слова вместе с остальными украденными голосами. Возможно, поэтому нужные вопросы пришли сами.

Патрульный всё-таки оставил следующему человеку способ выжить.

Безымянный завернул журнал в вощёную ткань и убрал к записке. Потом осмотрел доспех Кайра. Кольчуга была целее его собственной защиты. Сапоги — почти подходящего размера. Плащ промок, но не был разорван.

Практическая часть разума перечислила преимущества. Целая кольчуга защитит на дороге. Сапоги без прожжённой подошвы сохранят ноги. Мёртвому вещи больше не нужны.

Руки не хотели снимать с погибшего одежду. Запрет пришёл без памяти о том, кто его внушил. Безымянный всё же проверил вещи так, как проверил бы собственные: по пользе, подгонке и тому, что придётся нарушить, забирая их.

Кольчуга была слишком тяжёлой и плохо подходила под пластины. Он оставил её. Сапоги Кайра имели разный износ, левый был подрезан из-за старой травмы — для долгой дороги они стали бы причиной падения. Плащ пригодился бы, но служил последним покровом.

Он взял только маленький набор для ремонта: иглу, моток крепкой нити и две запасные пряжки. То, чем Кайр мог бы поделиться при встрече.

В боковом кармане нашлись три медные монеты. На одной была башня, на другой — рунный круг, на третьей профиль мужчины с высоким лбом. По краю шла надпись: «Порядок хранит Вейрн».

Вейрн.

Слово уже встретилось в донесении о рунах. Теперь оно лежало на местной монете рядом с башней и рунным кругом. Мир, земля или государство — он пока не знал. Но название принадлежало месту, где он очнулся.

— Вейрн.

У мира, чьи следы окружали его, появилось название.

Профиль на монете мог принадлежать правителю, основателю, давно умершему королю. Безымянный не знал. Он взял одну монету — не ради платы, а чтобы при встрече с людьми показать привычный местный предмет и спросить. Две оставил с Кайром.

Под деревянной птицей лежала сложенная лента. На ней детской рукой было выведено: «Папе, чтобы всегда нашёл дорогу».

Он закрыл глаза.

Нельзя было обещать доставить птицу, не зная, кому. Но можно было сохранить её вместе с жетоном. Он переложил фигурку в сумку и почувствовал, как новое обязательство устривается рядом с первым.

Человек без имени нёс чужое имя, чужую последнюю волю и игрушку для ребёнка, которого никогда не видел.

Сумка стала тяжелее совсем немного. Но теперь в ней лежало то, ради чего стоило искать людей, а не только безопасную дорогу.

Он укрепил каменную кладку над телом, используя обломок плиты как рычаг. Работал медленно. После применения руны мышцы сводило, перед глазами плавали серые пятна. Несколько раз приходилось садиться и ждать, пока сердце перестанет сбиваться.

В один из таких перерывов он заметил движение у края бурелома.

Вожак гончих с обрывком ошейника стоял между деревьями. Не рычал и не приближался. Смотрел, как человек складывает камни над одним из тех, кого стая считала добычей.

— Ты его не получишь, — сказал безымянный.

Гончая наклонила голову.

На обрывке ошейника висела металлическая пластинка. Даже издали было видно выгравированное имя. Когда-то у зверя тоже был человек, который считал нужным назвать его.

Безымянный сделал шаг.

Вожак исчез.

Он мог преследовать, но не стал. Не всякую утраченную жизнь удавалось вернуть, и не всякую тварь следовало считать виновной в том, во что её превратили. Если придётся сражаться, он убьёт. Пока же гончая отступила.

Последний камень лёг на место перед сумерками.

Надпись рунным мелом смоет первый сильный дождь. Он нашёл острый обломок и углубил буквы. Работа получилась неровной, зато имя переживёт несколько сезонов.

Кайр Вен.

Шёл предупредить живых.

Безымянный положил ладонь на верхний камень. Никакой руны. Никакой попытки прочитать остаточную память. Камень был холодным и шершавым.

— Я попробую закончить дорогу.

Он не сказал «обещаю». Отойдя от могилы, всё равно проверил, на месте ли записка Орвену.

И только после этого позволил себе уйти.

* * *

Когда он вернулся к центру ложбины, день клонился к вечеру.

Свет стал медным. Верхушки скал загорались последними лучами, а дно котловины уже наполнялось тенью. Огонёк в западных развалинах был виден между стволами — маленькая жёлтая точка, упрямая и человеческая.

Он сел у плоского валуна, чтобы сменить бинт. Раны оказались неглубокими. Хуже было с холодом внутри левой руки: пальцы двигались, но казались чужими, а под кожей время от времени пробежали серебристые знаки.

В сумке нашлось немного полезного: кремь Кайра, дорожный амулет, моток нити, кусок рунного мела, записка для Орвена и пустая фляга. Ни еды, кроме затвердевшего сыра, который он не забрал. Желудок напомнил о себе болезненным спазмом.

Он не знал, когда ел в последний раз. До битвы? После? Было ли «после» до пробуждения?

У ручья росли грибы, но знания о них не отзывались уверенностью. Красная шляпка — яд или пища? Светлые пластинки — безопасны или смертельны? Он не стал проверять. На северном склоне нашёл куст с тёмными ягодами. Раздавил одну на коже, понюхал, коснулся языком. Горечь. Тело не подало сигнала опасности, но этого было мало.

В итоге он выпил воды и затянул ремень туге.

Перед уходом оставалось осмотреть сам ожог.

Он избегал центра с момента пробуждения, хотя не признавался себе в этом. Там земля была наиболее чёрной, камни стояли под невозможными углами, а воздух казался плотнее. Гончие не пересекали круг до нападения. Даже безликий шептун держался в лесу.

Теперь он шагнул через резкую границу.

Звук изменился сразу. Шорох листьев отступил. Насекомые смолкли. Его шаги звучали не глухо, как на пепле, а отзывались далёким эхом, будто под тонкой коркой земли скрывался огромный пустой зал.

В центре лежало углубление размером с человеческое тело. Его тело. По краям спёкшейся земли отпечатались пальцы, колени, плечо. Он не упал сюда сверху. Мир словно собрал его из пепла внутри этого следа.

Рядом один камень был вдавлен глубоко в землю, другой завис между корнями, не касаясь их. Он провёл мечом под нижним краем — свободно. Камень держался без опоры.

На плоском валуне снова появилась серая нить. Теперь она тянулась не к северному ручью, а прямо к углублению.

Он опустился на колено и положил ладонь туда, где при пробуждении находилась грудь. Мир раскрылся.

* * *

Белое небо горело.

Он стоял внутри Черного Исполина.

Не в утробе и не в ране — внутри множества пространств, насильно сшитых одной волей. Слева шёл дождь из стекла. Справа тянулся город, перевёрнутый башнями вниз. Под ногами билась плоть, в которой были замурованы лица погибших. Цепи проходили сквозь его руки и рёбра, удерживая не тело, а саму возможность уйти.

Настоящее имя существа прозвучало вокруг, произнесённое сотнями ртов. Он понял его в тот миг, но ожог тут же выжег звуки. Осталось только ощущение: Исполин был не самой волей, а протянутой рукой чего-то, запертого глубже миров.

Перед ним висело ядро из рунной золы. Обычная печать не могла его закрыть: слишком много законов встретились в одном существе. Любой знак принадлежал одному миру и становился ложью в соседнем.

Оставался шов между мирами.

И его собственные ожоги.

— Я нашла другой узел! — кричала женщина где-то снаружи. — Дай мне время!

Времени не было. За аватаром открывался разлом. Через него смотрело нечто, чьего внимания не мог выдержать человеческий разум.

Он положил обе ладони на ядро.

— Нет! — Голос женщины сорвался. — Не один. На этот раз не один!

Ты устал возвращаться, — сказал Исполин внутри него. — Я чувствую пустые места. Лица, которых больше нет. Отдай мне то, что держит тебя на пути. Я дам тебе конец.

Что-то внутри узнало эти слова и сжалось, не уступая. Не воспоминание и не приказ — направление, пережившее имя. За пределами рвущейся плоти кто-то ещё дышал. Этого хватило.

Он открыл связь.

Сила аватара хлынула в него. Кости загорелись. Мировые законы тянули тело в разные стороны. Где-то женщина выкрикнула его имя и бросила вслед пепельную нить.

Он успел подумать, что снова причиняет ей боль.

Потом разорвал аватара изнутри.

* * *

Он очнулся на спёкшейся земле, крича.

Ожоги под одеждой сияли темным серебром. Меч лежал в стороне. Над котловиной ревел ветер, хотя деревья почти не двигались. Камни вокруг центрального следа медленно поворачивались, подчиняясь иной тяжести.

Из трещин в земле тянулись чёрные нити.

Он отполз к границе круга. Нити следовали за ним, складываясь в длинные пальцы. Пепел под ладонями проваливался, открывая глубину, которой не могло быть под лесной котловиной.

Внизу билось что-то огромное.

Один удар.

Пауза.

Второй.

Слишком ровный ритм для живого сердца. С каждым ударом по камням расходились тускло-красные знаки. Они не принадлежали воспоминанию о белом поле. Они были здесь, глубоко под ним.

И они отозвались на его присутствие.

Я помню тебя, даже если ты себя не помнишь, — сказал Голос из-под земли.

В нём не было ярости. Только терпение того, для кого человеческая жизнь — короткая пауза между ударами.

Нити добрались до его сапога.

Он вонзил меч в границу ожога и подтянулся. Живая трава коснулась ладони. Мир дёрнулся. Чёрные пальцы остановились там, где начинался мох, и рассыпались пеплом.

Ожоги на теле погасли.

Он лежал на зелёной земле, тяжело дыша. Внутри ещё ворочались звуки имени Исполина, но удержать их не удавалось. Они крошились один за другим, оставляя металлический вкус.

Несправедливость этого почти рассмешила его.

Он не засмеялся.

Женщина видела, что он сделал, и всё же просила не вскрывать ожог. Теперь он знал хотя бы причину её страха.

Память была не запертой комнатой, а завалом над раной. Рано разбирать его: сквозь щели уже смотрели с другой стороны.

Он поднялся, опираясь на меч.

— Ты помнишь меня, — сказал он в сторону чёрного круга. — Это твоё преимущество.

Под землёй снова ударило неведомое сердце.

— А моё в том, что я не обязан быть тем, кого ты помнишь.

Голос ничего не ответил.

Тишина показалась внимательной.

* * *

Сумерки быстро заполняли котловину.

Он мог остаться у рунного поста, где горел фонарь и старая защита давала хотя бы видимость укрытия. Тело требовало отдыха. После видения ноги дрожали, во рту снова чувствовалась кровь. Уходить на незнакомую дорогу ночью было неразумно.

Но центральный ожог уже ответил кому-то под землёй. Гончие следы вели к выходу и возвращались. Безликий шептун пришёл, едва память открылась на несколько мгновений. Оставаться означало ждать следующего гостя.

Он проверил ремни и наполнил флягу у ручья. На северном камне больше не появлялось отражение женщины. Только серая линия тянулась к выходу, тонкая и неуверенная.

У могилы Кайра Вена он остановился.

— Я передам записку, если найду Орвена.

Мёртвый не ответил. Это было облегчением.

В западных развалинах фонарь продолжал гореть. Защитный круг светился лишь на две трети, но ни одна новая гончая не подошла к нему. Он подложил ещё коры в чашу и оставил рядом кремёнок из найденного ящика, сохранив кремёнок Кайра при себе.

«Свет принадлежит тому, кто придёт после».

Возможно, никто не придёт. Возможно, дождь погасит пламя через час. Он всё равно прикрыл чашу обломком кровельного камня.

Выход из ложбины оказался теснее, чем выглядел. Две скальные плиты сходились почти вплотную. Между ними шла тропа, заваленная мелкими камнями и мокрыми ветками. За спиной оставался круг выжженного леса; впереди виднелся бледный прямоугольник неба.

На первом десятке шагов он услышал погоню.

Сначала донёсся одиночный щелчок — коготь задел выступ. Затем второй. Звук множился, отражаясь от стен, пока уже невозможно было отличить настоящие шаги от эха.

Он погасил желание бежать и остановился.

В тесном проходе паника убивала быстрее хищника. Если впереди завал или тупик, стоя прижмёт его к камню. Сначала следовало понять путь.

Ущелье поднималось уступами. За ближайшим поворотом обнаружилась площадка, где два человека могли встать плечом к плечу. В стену были вбиты ржавые скобы. Между ними когда-то висела решётка или цепь, перекрывавшая вход в котловину. Теперь от преграды остались обломок звена и выцветшая руна Запрета.

Кто-то знал, что ложбину нужно закрывать.

Он очистил знак от грязи. Три линии сохранялись, четвёртую расколол камень. Руна не требовала мощного источника. Её создавали как замок: пока металлическая цепь соединяет скобы, проход считается закрытым для того, чьё имя или природа внесены в условие.

Цепи не было. Условие стёрлось.

Позади снова заскребли когти.

Он снял с пояса моток промасленной нити. Слишком тонкая. Даже если руна признает её связью между скобами, первый зверь порвёт материал. Понадобилось бы несколько мгновений задержки — не настоящая дверь.

На правой стене лежал обрушенный ствол молодой ели, принесённый сверху недавним камнепадом. Он упёрся плечом и попробовал сдвинуть. Ствол качнулся, но корневая часть застряла между плитами. Можно было освободить её мечом, затем положить поперёк площадки. Гончих это не остановит, зато собьёт первый натиск.

Он сделал два надреза и замер.

В глубине ущелья стоя тоже остановилась.

Наступившая тишина была хуже погони.

Красные глаза появились далеко внизу. Одна пара, затем три. Гончие не бросались. Они ждали, пока человек сам истратит силы на преграду или повернётся к ним спиной.

Вожак с ошейником вышел вперёд.

На узкой морде оставались шрамы. Костяные пластины вдоль хребта приподнимались с каждым вдохом. Металлическая бирка на ошейнике постукивала о пряжку.

Он стоял достаточно близко, чтобы безымянный разобрал имя.

«Ворн».

Ниже мелкими знаками: «Пост Старой Тропы».

Этот зверь когда-то охранял дорожный пост, где ещё горел оставленный фонарь. Возможно, лежал у ног смотрителя, узнавал караваны, позволял детям трепать себя за уши. Теперь он вёл стаю к человеку, пробудившему чужой ожог.

— Ворн, — произнёс безымянный.

Гончая вздрогнула.

Остальные зашипели, но вожак не отводил взгляда.

— Ты помнишь это имя?

Бирка снова звякнула.

Ворн шагнул вперёд и пересёк невидимую границу старой руны. Знак в стене вспыхнул, узнавая прежнего хранителя, и погас. Защита всё ещё считала зверя своим.

Так угроза и прошла внутрь: в теле, которому стена привыкла доверять.

Безымянный поднял меч, но не направил острие на вожака.

— Я зажёл ваш фонарь.

Ворн оскалился. Из пасти посыпался пепел.

— Если в тебе осталось достаточно, чтобы услышать имя, осталось и достаточно, чтобы выбрать.

Он не знал, верно ли это. Возможно, разговаривал с пустой оболочкой. Возможно, чужая воля внутри гончей лишь училась использовать его жалость.

Ворн опустил голову и тихо заскулил.

На один краткий миг перед безмянным стоял старый серый пёс. Не видение — прежняя форма проступила в движении плеч и наклоне ушей. Затем костяные пластины поднялись, красный свет вернулся.

Стая позади завывала.

Вожак бросился.

Безмянный ожидал прыжка на себя, но Ворн врезался в ближайшую гончую. Они пока- тились по камням. Остальные растерялись лишь на мгновение. Потом чужая воля заставила стаю атаковать обоих.

— Проклятье.

Он шагнул за старую границу.

Первая гончая перелетела через дерущихся зверей. Безмянный встретил её остриём. Удар прошёл в грудь, но вес твари повалил его. Он перекатился, оставляя меч в ране, выхватил нож. Вторая тварь метнулась к лицу. Наруч принял зубы. Он полоснул по шее.

Ворн дрался молча. Кусал бывших сородичей, принимая когти на костяную спину. Иногда его лапа замирала в воздухе, пасть поворачивалась к человеку — и тут же снова смыкалась на горле гончей.

Безмянный высвободил меч. Третья гончая зашла сбоку. Он ударил ногой в стену, оттолкнулся и пропустил её под собой. Лезвие рассекло позвоночник.

Узость прохода работала против стаи. Они не могли окружить и мешали друг другу. Но за первыми тремя поднимались новые красные глаза.

Ворн взвыл. На этот раз в звуке прозвучал приказ.

Две гончие остановились.

Вожак повернул голову к выходу, затем к обрушенному стволу. Человек понял.

Он отступил на площадку и рубанул по корню. Один раз. Второй. Старая древесина под- далась. Ствол соскользнул между стенами, ударил поперёк прохода.

Ворн перепрыгнул следом.

Безмянный протянул промасленную нить между ржавыми скобами, обернул трижды и затянул. Потом рунным мелом восстановил четвёртую линию Запрета.

Знак требовал условие.

Он не знал настоящего имени вида, к которому принадлежали заражённые звери. Мест- ная руна не поймёт «пепельную гончую», если это название существовало только в его мыслях. Можно было связать запрет с чёрной кровью, но Ворн тоже носил её. Связать с волей из-под земли — слишком широкое понятие для простого знака.

Гончие уже карабкались через ствол.

Тогда он начертил не имя врага, а состояние проходящего:

«Тот, кто идёт без собственной воли».

Руна вспыхнула.

Первая гончая прыгнула через ствол и ударилась о пустой воздух. Янтарная стена отбро- сила её назад. Вторая попыталась пролезть снизу — тот же результат.

Ворн стоял по эту сторону. Янтарный свет его не коснулся.

Но знак получился сложнее, чем позволяла старая форма. Свет дрожал. Нить начала дымиться. Запрет продержится минуты, не часы.

— Иди, — сказал безымянный.

Ворн не двинулся. Смотрел на стаю. Возможно, на тех, кого когда-то знал обычными собаками. Возможно, на продолжение собственного заражения.

— Ты сделал достаточно.

Фраза отозвалась странной знакомостью. Кто-то произносил её безымянному раньше — и он не слушал.

Ворн подошёл к стене. Прижался костяным боком к восстановленной руне.

Янтарный свет вошёл под шерсть.

Гончая вздрогнула, но не отступила. Янтарные линии потянулись от стены к бирке на ошейнике. Под шерстью ответили чёрные волокна, стягивая плечи назад.

Безымянный понял намерение слишком поздно.

— Нет.

Ворн посмотрел на него. Красный свет в глазах погас.

Всего на один вдох там появились обычные тёмные глаза старого пса.

Затем он шагнул обратно сквозь стену.

Руна сочла его существом с собственной волей и пропустила. Стая набросилась сразу. Ворн удерживал узкий проход своим телом, не позволяя первым гончим развернуться.

— Ворн!

Вожак не обернулся.

Промасленная нить загорелась. Запрет вот-вот должен был рухнуть.

Безымянный схватил меч и побежал вверх.

Он слышал за спиной рычание, удары тел о камень и один последний короткий визг. Потом руна лопнула с сухим треском. Стая преодолела площадку.

Жертва Ворна дала ему расстояние. Не спасение.

Проход стал круче. Под ногами катились камни. Он цеплялся рукой за стены, стараясь не потерять скорость. В груди поднималась злость: на стаю, на чужую волю, на себя за то, что не сумел очистить зверя, хотя на миг поверил в такую возможность.

Но Ворн не просил очищения. Он распорядился тем, что ещё принадлежало ему.

Когти скребли по камню. Не одна гончая — стая.

Он ускорился. Проход шёл вверх. Боль в рёбрах усиливалась с каждым вдохом. В одном месте скала выступала так далеко, что пришлось повернуться боком. Ножны зацепились. Он освободил ремень, протолкнул меч вперёд.

Позади показались красные глаза.

Первая гончая вошла в теснину и ударилась плечами о стены. За ней напирали другие. Пепел валил из пастей густым дымом.

До выхода оставалось двадцать шагов.

Он мог принять бой по одной, используя узость прохода. Но ноги едва держали, а тварей было не меньше семи. Их вой уже подхватывало что-то более крупное в котловине.

Он побежал.

Когти приближались. Одна гончая вырвалась вперёд, прыгнула и задела спину. Коготь скользнул по броне. Он упал на колено, развернулся и ударил. Меч вошёл в пасть. Тварь дёрнула головой, едва не вырвав рукоять.

Остальные были в пяти шагах.

Руна на левой руке вспыхнула, предлагая силу.

Нет.

Он упёрся сапогом в грудь убитой гончей, вытащил клинок и рубанул по выступающему корню над проходом. Дерево треснуло, но выдержало.

Второй удар.

Корень лопнул. Удерживаемый им камень качнулся.

Гончие бросились.

Он ударил плечом в плиту. Камень сорвался, увлекая землю и мелкие обломки. Теснину наполнил грохот. Первая тварь исчезла под завалом, вторая успела прыгнуть через неё.

Он встретил прыжок клинком, отступая к свету. Тварь упала, за ней посыпались камни. Пыль закрыла проход.

Он вывалился из ущелья на старую тропу и несколько шагов пробежал по инерции. Потом остановился, согнувшись, и слушал.

Под завалом скребли когти. Гончие не пройдут быстро. Возможно, найдут другой путь. Но котловина уже осталась позади.

Перед ним открывалась холмистая равнина. Старая дорога начиналась как полоса утоптанной земли, затем под пылью проступали каменные плиты. По обе стороны тянулась сухая трава. Дальше чернели остовы телег. На востоке поднимался столб дыма.

Возле выхода стоял накренившийся дорожный знак. Название стёрлось. Деревянная стрелка указывала туда же, куда дым и пепельная нить.

Он положил ладонь на столб.

Никакого видения. Только шершавая древесина, дождевые трещины и тепло уходящего дня.

Обыкновенная вещь. Он был благодарен ей за молчание.

С вершины холма Пепельная ложбина казалась зелёной чашей среди скал. Только в центре темнел круг ожога. Между деревьями мерцал оставленный фонарь.

Он не знал, в каком мире находится. Не знал своего имени, возраста, дома. Не знал, кем была женщина и почему мысль о ней приносила одновременно облегчение и боль. Зато у него были меч, записка мёртвого солдата и название крепости, где могли жить люди.

Грейсвалл.

Этого хватало для следующего шага.

Перед тем как сделать его, он сел у дорожного знака и разложил всё, что вынес из ложбины.

Меч с выгоревшими рунами. Нож. Три пластинки из разных материалов. Серебряный диск с семью цветными вставками и пустой выемкой. Повреждённый дорожный амулет. Рунный мел. Фляга Кайра. Жетон, записка, журнал и деревянная птица с детской лентой.

Вещи делились на две неравные части. Первые принадлежали прошлому, которого он не мог открыть. Вторые появились сегодня и уже требовали от него решений. Прошлое было тяжелее, но настоящее — яснее.

Он завернул бумаги Кайра в вощёную ткань, птицу поместил между слоями плаща, чтобы не сломать клюв. Жетон убрал отдельно: если придётся доказывать смерть патрульного, его нужно будет достать, не показывая чужие пластинки и серебряный диск.

Значит, он умел не только сражаться. Умел скрывать опасное и отделять правду от той её части, которую безопасно предъявить. Разведчик, беглец — или просто человек, которому часто не верили.

Он посмотрел на свои руки.

Сегодня они убивали, перевязывали раны, зажигали фонарь, складывали камни над мёртвым и чертили знак, не пропустивший тех, кто лишился воли. Ни одно действие не вернуло имени, но вместе они отвечали не на вопрос о том, кем он был, а на другой: кем становился сейчас.

На обороте записки Кайра оставалось свободное место. Безымянный достал кусочек угля из кармана — сам не помнил, когда подобрал его у фонаря, — и написал:

«Очнулся в выжженном круге. Памяти нет. Название Вейрн относится к этому миру или его земле. Дорога ведёт к Грейсваллу. Женщина с пепельной нитью ищет меня. Голос под землёй знает больше, чем должен».

Он перечитал. Слова выглядели как запись о другом человеке.

Ниже добавил:

«Кайр Вен шёл предупредить живых. Я не оставлю его путь незаконченным».

Эту строку он не стал смягчать.

Он хотел поставить подпись.

Уголь завис над бумагой.

Рука начала первое движение сама — короткую диагональную черту, затем петлю. Ожог под ключицей вспыхнул. За белой стеной дрогнули звуки настоящего имени. Ещё одно усилие, и он, возможно, вырвал бы хотя бы начальную букву.

Он остановился.

Женщина предупреждала не открывать ожог силой. Центральный круг уже показал, что память связана с тем, что смотрит из глубины. Подпись не стоила нового пролома.

Вместо имени он нарисовал простой знак: незамкнутый круг с линией, уходящей вперёд.

Знак не принадлежал белым рунам и не был магией — лишь отметкой человека, который ещё не завершён.

Бумагу он спрятал рядом с журналом.

С востока ветер принёс дым. В нём различались запахи сырого дерева, горелого зерна и навоза. Значит, впереди недавно были люди или всё ещё оставались. Затем донёсся звон — один слабый удар металлического колокола, такой далёкий, что мог оказаться памятью. Через несколько мгновений удар повторился.

Звон был настоящим: пришёл с ветром, с одного направления и не вызвал боли.

Живые.

Он поднялся. Усталость никуда не исчезла. Рёбра болели, левая рука оставалась холодной, желудок сводило от голода. Впереди могли встретиться люди, которые помогут, ограбят или передадут тому, кто уже собирал сведения о пепельно-белых рунах. Возможность опасности не отменяла единственного доступного направления.

Он затянул ремень меча и в последний раз проверил, надёжно ли спрятана деревянная птица.

До этого мгновения он двигался прочь от места пробуждения. Теперь впервые выбрал цель.

Он пошёл на восток.

За спиной, глубоко под каменным кольцом ложбины, ещё раз ударило неведомое сердце.

Он не обернулся.

Сумерки легли на Дорогу Без Имени. Человек без имени пошёл им навстречу.

Глава вторая. Дорога Без Имени

«Путник не становится хранителем дороги оттого, что первым увидел её трещину».

— *«Книга тех, кто отложил берег», дорожный обет*

Дорога была старше бедствия и выглядела уставшей задолго до него.

С вершины холма она казалась бледной полосой, брошенной между серых полей. Вблизи под травой проступали плоские камни. Когда-то их подгоняли один к другому так плотно, что тележное колесо проходило без толчка. Теперь плиты просели, разошлись и местами поднялись ребром. В трещинах росла сухая трава — зелёная у стебля, чёрная у самого корня.

Человек без имени шёл на восток.

Туда указывала записка Кайра Вена. Туда тянулся дым. Там дважды прозвонил далёкий колокол. И ещё в ту сторону иногда ложилась серая нить, видимая в лужах, пока ветер не трогал воду.

Сумерки быстро превращались в ночь. После замкнутой ложбины равнина казалась слишком открытой. Не было деревьев, за которыми могла скрываться гончая, зато не было и

места, где человек мог бы укрыться от чужого взгляда. Слева тянулись низкие холмы. Справа земля уходила вниз к невидимому ручью. Впереди чернели остовы телег.

Он проверял дорогу не только глазами. Останавливался, касался камня сапогом, прислушивался. Несколько плит отзывались пустотой. Под ними вымыло землю или проходили старые рунные каналы. На одной сохранился знак веса: простая квадратная вязь, распределявшая нагрузку от тяжёлых повозок. Половина линии стёрлась, поэтому руна удерживала лишь левый край плиты. Правый уходил вниз при каждом шаге и медленно возвращался.

Под сапогом плита качнулась. Исправная половина руны вернула её на место; стёртая снова ушла в грязь.

На первом дорожном столбе руна направления указывала вверх.

Деревянная стрелка была повернута на восток, но светящийся знак над ней вытягивался к небу. Безмянный обошёл столб. Верхушку расколола молния или удар. Недостающая черта изменила смысл с «следовать по дороге» на «покинуть поверхность». Без энергии знак просто погас бы. Этот ещё получал слабое питание от подземной линии и честно исполнял ошибочный приказ.

Он не стал исправлять. Рунного мела оставалось мало, а дорожный знак не угрожал тому, кто смотрел на землю. Однако возле основания выпарапал ножом стрелку к востоку. Обычную, лишённую силы. Она могла пережить светящуюся ложь.

До первых телег он дошёл в полной темноте.

Караван погиб не в бою. Повозки стояли неровной цепью, словно люди остановились на короткий отдых и не вернулись. У первой отсутствовали лошади. Постромки лежали застёгнутыми, не перерезанными. Внутри сохранились пустые ящики и мешок овса. Вторая сгорела до осей, хотя земля вокруг не носила следов пожара. Третья была целой, с натянутым пологом и закрытым задним бортом.

На её досках мерцала руна счёта.

— Семнадцать, — прочитал он.

Знак повторял число через равные промежутки. Семнадцать единиц груза или семнадцать путников. С каждым повтором линии становились ярче, будто руна продолжала ждать завершения подсчёта.

Он не тронул полог сразу. Осмотрел колёса, заглянул под повозку, обошёл следы. Дождь стёр почти всё, но под навесом сохранились отпечатки обуви. Несколько человек вошли внутрь. Ни один не вышел.

— Семнадцать, — снова сказала руна.

Он постучал рукоятью ножа по борту.

— Если там кто-то живой, ответьте.

Тишина.

Потом внутри что-то мягко упало.

Он отвязал полог и отступил, держа меч перед собой. Запах ударил первым — плесень, мокрая ткань и вьевшийся в доски пот. В повозке не было людей. Только их вещи. Семнадцать узлов и сумок, аккуратно поставленных вдоль бортов. На каждом имя. Посередине лежал детский башмак.

Руна считала не груз. Отсутствующих хозяев.

Он поднялся внутрь. Доски прогнулись. Узлы никто не обыскивал. В первом лежали две рубахи, деревянная ложка и мешочек соли. Во втором — женский платок, вязальные спицы, письмо. Третий принадлежал ребёнку: маленькая куртка, камешки разных цветов, тряпичная лошадь.

Люди исчезли одновременно, не забрав самое необходимое.

На внутренней стороне полога проступал рисунок. Чёрная дверь, выведенная пальцем по мокрой ткани. От неё шли семнадцать коротких линий.

Безымянный не коснулся знака.
Из глубины повозки прошептали:
— Семнадцать.

Он резко обернулся. Никого.

Руна счёта на борту вспыхнула и повторила число уже его голосом.

Когда-то знак подтверждал число людей на остановках, чтобы никто не отстал. Теперь он удерживал пропавших по их вещам и добавлял каждого, кто входил внутрь.

Линия на полу потянулась к его сапогу.

Он выпрыгнул из повозки. Руна произнесла:

— Восемнадцать.

Чёрный штрих появился рядом с дверью.

На мгновение тело стало тяжёлым. Дорога исчезла. Впереди открылась тёмная комната, где семнадцать человек сидели вдоль стен и смотрели на него пустыми глазами. Между ними оставалось одно свободное место.

Все дошли, — пообещал голос. — *Никто больше не потеряется.*

Он ударил мечом по руне счёта.

Доска треснула. Свет погас, но тяжесть не ушла. Чёрная линия уже связалась с подошвой. Он вспомнил местные принципы: знак держится на форме, смысле, энергии и наблюдателе. Форму он повредил. Смысл продолжало удерживать то, что смотрело через дверь.

Значит, нужно изменить подсчёт.

Он поднял детский башмак, лежавший у края, и вынес из повозки. Потом по одному начал вытаскивать узлы. Не присваивал, не открывал больше необходимого — переносил за границу круга, который руна считала внутренним пространством.

— Семнадцать, — снова прошептал знак.

Первый узел оказался на земле.

— Шестнадцать, — ответил безымянный.

Руна вздрогнула.

Он вынес второй.

— Пятнадцать.

С каждым предметом чёрная линия на сапоге слабела. Заражённый знак хотел считать людей, но за годы связал имена с вещами. Если удалить носители из повозки, условие «все внутри» станет ложным.

Работа заняла почти час. Мышцы ныли после ложбины. Некоторые сундуки были тяжелы, приходилось волочить. На последнем узле руна попыталась удержать его: полог захлопнулся, из пустоты протянулись холодные руки. Он разрезал ткань и вышел.

— Ноль, — сказал он.

Знак счёта погас.

Чёрная дверь на пологе потекла вниз и стала обычной грязью. Тяжесть отпустила. Вещи лежали вокруг повозки отдельными маленькими островками прежних жизней.

Он мог оставить их под дождём. Вместо этого натянул разрезанный полог между двумя телегами, перенёс узлы под него и сложил так, чтобы имена оставались видны. Если владельцы чудом вернутся, найдут вещи. Если придут родственники, смогут узнать пропавших.

На столбе возле каравана он вырезал: «Семнадцать исчезли. Вещи под навесом. В повозку не входить».

Потом подумал и добавил знак чёрной двери — перечёркнутый.

Он выбрал для ночлега сгоревшую телегу. От неё осталась железная рама и часть днища, зато огонь уничтожил старые руны. Под рамой можно было укрыться от ветра, наблюдая дорогу с двух сторон.

Разводить костёр он не стал. Дым выдаст положение, а вспышка света привлечёт гончих. Съел несколько зёрен овса, разжёвывая медленно. Желудок потребовал ещё. Он взял одну горсть и завернул в ткань, решив вернуть вдвое больше, если встретит владельцев.

Ночь была холодной.

Он лежал на боку, положив меч вдоль тела, и смотрел через железные спицы на облака. Сон не приходил. Стоило закрыть глаза, появлялось белое небо или семнадцать людей в тёмной комнате. Тело требовало отдыха, разум считал шорохи.

В поле двигались огни. Маленькие, зеленоватые, слишком низкие для звёзд. Они шли параллельно дороге, не приближаясь. Иногда один отставал, затем рывком догонял остальные.

Он решил, что это глаза, пока огни не сложились в дорожную руну. Знак указывал с тракта в поле.

Ложный путь.

Он отвернулся.

— Здесь, — позвал женский голос оттуда. — Я нашла безопасную дорогу.

Пепельная нить на запястье не отозвалась. Значит, голос не принадлежал женщине из отражений или связь не подтверждала его.

— Назови меня, — тихо потребовал он.

Поле замолчало.

Зелёные огни распались и ушли к холмам.

После этого он всё же уснул.

* * *

На рассвете дорога покрылась инеем.

Только дорога. Трава по сторонам оставалась мокрой и тёмной. Белый налёт повторял контуры старых плит, выявляя сеть рунных каналов. Некоторые линии уходили к сигнальным столбам. Другие соединяли мосты и стоянки. Когда-то тракт был единой системой: считал людей, укреплял камень, зажигал фонари, предупреждал патрули.

Теперь сеть напоминала тело с перебитыми жилами. Энергия скапливалась в тупиках, питала повреждённые знаки и давала чужой воле готовые пути.

Безымянный поднялся, растёр руки и доел оставшийся овёс. За ночь никто не подошёл к вещам пропавших. На пологие снова появилась слабая тень двери, но без руны счёта она не держала форму.

Он пошёл дальше.

Солнце поднималось за плотной облачностью, окрашивая восток в цвет старого серебра. По сторонам дороги попадались следы прежнего движения: каменные поилки, заросшие крапивой; столбы с крюками для фонарей; площадка, где меняли лошадей. В одной канаве лежали десятки сломанных подков. На каждой была руна лёгкого шага. Все треснули в одном месте.

Дальше стояла повозка, разрезанная пополам ровным вертикальным швом. Передняя часть лежала на дороге, задняя — в поле в двадцати шагах. Между ними не было обломков. Разлом открылся на мгновение, разделил дерево, груз и, возможно, тех, кто сидел внутри.

Человеческих останков он не нашёл.

У обочины сидела ворона. Чёрные перья отливали синим. Птица следила за ним одним глазом, затем сказала человеческим голосом:

— Держать пост.

Он остановился.

Ворона клюнула что-то между камнями.

— Отступление запрещено.

Под клювом лежал кусок человеческого языка, уже высохший и серый.

Он шагнул к птице. Она взлетела, унося находку. Несколько чёрных перьев опустились на дорогу. Одно коснулось руны защиты и вспыхнуло.

Слова были не предсказанием. Птица подобрала их возле тех, кто повторял приказ после смерти.

Лагерь патруля находился где-то впереди.

К середине утра появились свежие следы телеги. Колёса часто соскальзывали с камней, одно шло неровно. Лошадь хромала на правую заднюю ногу. Рядом отпечатались сапоги взрослого человека; иногда второй человек сходил с телеги, но наступал только левой ногой. Ранен.

Семья или небольшой обоз. Они двигались к востоку ночью и спешили.

Следы гончих появились спустя полверсты. Три зверя шли по обе стороны дороги. Не нападали сразу, а гнали добычу, как стая в Пепельной ложбине.

Безымянный ускорил шаг.

Впереди земля понизилась. Послышался сухой треск, затем крик мужчины:

— Держись! Не прыгай с телеги!

Загрохотал камень.

Над дорогой поднялось облако светлой пыли.

Он побежал.

* * *

Мост рухнул несколько мгновений назад.

Это был низкий каменный переход через почти высохший ручей. Средний пролёт провалился вниз, края продолжали осыпаться. Из-под плит поднимался горячий запах известняка и пепла. Внизу скреблось что-то живое.

Телега успела перескочить на ближний восточный берег, но правое заднее колесо ударилось о край насыпи. Обод раскололся. Спицы разошлись веером. Повозку развернуло боком, одна ось просела в грязь. Лошадь лежала в постромках, тяжело дыша.

У борта стоял мужчина с дорожным топором.

Он был старше безымянного лет на пятнадцать, возможно больше. Седина лежала в бороде неровными полосами. Дорожный плащ покрывала пыль. Мужчина держал оружие обеими руками, стараясь не показывать, как дрожат пальцы.

Внутри телеги кто-то тихо плакал.

Безымянный остановился на расстоянии десяти шагов и опустил меч остриём к земле.

— Я не из тех, кто шёл за вами.

— Все так говорят, пока не подходят ближе, — ответил мужчина.

Голос оказался хриплым, сорванным криком.

— Тогда не буду подходить.

— Покажи глаза.

Безымянный медленно поднял голову.

Мужчина всматривался долго.

— Ближе свет нужен.

— Ты только что велел не подходить.

— И правильно велел. — Топор качнулся. — Руки покажи. Ладонями наружу.

Пепельная линия на левом запястье была спрятана под наручем. Безымянный поднял руки так, чтобы ремень её закрывал.

Из телеги донёсся женский голос:

— Таррен, если он хотел бы ударить, уже ударил бы. Ты топор держишь, как лопату.

— Мейра, тихо.

— Дети и так видят, что ты боишься.

— Я не...

— Боишься. И правильно. Но руки у тебя всё равно устали.

Мужчина по имени Таррен не опустил оружия, однако перехватил ближе к обуху.

— Имя? — спросил он.

Белая стена поднялась внутри прежде, чем безымянный успел решить, лгать ли.

— Не помню.

Топор снова напрягся.

— Удобная нынче болезнь — без имени ходить.

— Мне она удобной не показалась.

— Откуда пришёл?

Безымянный указал назад, на холмы.

— Из лесной котловины. Там выжженный круг.

Лицо Таррена изменилось.

— Пепельная ложбина?

— Если она так называется.

— Оттуда не приходят. Там скалы.

— Я тоже не нашёл пути, по которому вошёл.

Мужчина посмотрел на его броню, на выгоревшие руны меча, на перевязанную руку.

— Значит, либо врёшь, либо хуже.

— Возможно.

Таррен отступил на полшага и крепче сжал топорнице.

Под мостом раздался визг. Камни задвигались. Дети в телеге замолчали одновременно.

Безымянный повернул голову.

— Сколько их было?

— Три гончие, — ответил Таррен. — Две ушли с мостом. Третью не видел после обвала.

— Лошадь может встать?

— Может. Телега — нет.

— Жена ранена?

Таррен шагнул, закрывая борт.

— Не твоё дело.

— Если под мостом жива гончая, скоро станет моим.

Пыль оседала. В проломе показалась чёрная лапа.

Безымянный поднял меч.

— Я подойду к мосту, не к телеге.

Таррен колебался, затем коротко кивнул.

— Обманешь — запомню лучше, чем помощь.

— Для этого тебе понадобится пережить следующие несколько минут.

Он пошёл к обвалу.

Край моста осыпался под сапогом. Безымянный перенёс вес назад и лёг на живот, чтобы посмотреть вниз.

Ручей почти высох. Между камнями текла узкая лента мутной воды. Две гончие лежали под обрушенными плитами: у одной наружу торчала только морда, у второй камень раздавил грудь. Чёрная кровь стекала к воде и превращала её в густую серую жижу.

Третья тварь застряла возле уцелевшей опоры. Задние лапы придавило, передними она медленно разгребала щебень. Один глаз погас. Второй следил за человеком.

Она не могла выбраться быстро.

Можно было оставить. Обвал завершит работу или зверь умрёт от ран. Но каждый скрежет будет держать детей в страхе, а заражённая кровь уже попадала в ручей.

Безымянный спустился по наклонной плите.

— Что ты делаешь? — окликнул Таррен.

— Заканчиваю погоню.

— Она зажата.

— Пока.

Гончая позволила приблизиться. Даже опустила голову, изображая слабость. Когда до неё осталось два шага, передняя лапа вылетела из-под камней. Когти прошли у лица. Безымянный отшатнулся. Вторая лапа вцепилась в край плаща и потянула вниз.

Камни под ним сдвинулись.

Он вогнал меч между плитами, используя как опору, освободил ткань и ударил сапогом по морде. Тварь сомкнула зубы на подошве. Челюсти сдавили кожу. Он выдернул ногу и рубанул по шее.

Первого удара не хватило. Костяные наросты приняли лезвие. Гончая завизжала — слишком похоже на человеческий крик. В телеге заплакал ребёнок.

— Ровик, не смотри! — сказала Мейра.

Безымянный изменил угол и ударил под основание черепа. Тварь обмякла.

Он задержался, пока чёрные волокна под шерстью перестали сокращаться. Затем столкнул обломки так, чтобы тела оказались полностью погребены. Это не очищало воду, но уменьшало поток заражённой крови.

На внутренней стороне опоры сохранилась руна Связи. Она должна была распределять вес среднего пролёта между берегами. Трещина прошла точно через знак. Чёрная линия вошла в вязь со стороны ручья и связала не камни, а движения гончей стаи. Когда три зверя прыгнули одновременно, мост принял их как одну нагрузку и рухнул.

Он поднялся на дорогу.

Таррен всё ещё держал топор, но уже ниже.

— Третья мертва?

— Да.

— Ты видел под мостом ещё что-нибудь?

— Две раздавлены. Руна опоры заражена. По этому мосту больше никто не проедет.

Таррен оглянулся на путь, который остался за телегой.

— Значит, назад тоже нет.

— Вы хотели назад?

— Нет. — Он ответил слишком быстро. — Но когда дорога оставляет только одно направление, это уже не дорога.

Таррен провёл ладонью по затылку и ещё раз посмотрел на обвал — теперь уже не как на путь назад.

— Покажи колесо.

— Зачем?

— Чтобы сказать, можно ли его починить.

Таррен нахмурился.

— Ты возчик?

— Не помню.

— Конечно.

— Но я знаю, что ось ещё цела. Видно отсюда. Если ступица не треснула, можно поставить замену.

Таррен посмотрел на просевший борт, затем на меч в руке чужака. Топор остался поднят. Из телеги снова заговорила Мейра:

— Подпусти. Если захочет нас ограбить, ты своим топором всё равно не остановишь.

— Спасибо за веру.

— Я верю. Просто не в топор.

— Дети слушают.

— Дети видели гончих. Твоя гордость после них не самое страшное.

Таррен выдохнул и отступил на полшага.

— Подходи медленно. Меч оставь там.

Безымянный положил клинок на камень у моста, но нож из сапога не снял. Таррен заметил движение взгляда.

— Ещё оружие есть?

— Есть.

— Отдашь?

— Нет.

Мужчина неожиданно кивнул.

— Хорошо. Соврал бы — не подпустил.

Он повёл к телеге, оставаясь между безымянным и задним бортом.

Вблизи повреждение выглядело хуже. Обод раскололся в двух местах. Три спицы вырвало из ступицы, ещё две треснули. Железная шина согнулась и зажала остаток колеса под углом. Ось просела, но не сломалась. Ступица держалась, хотя край покрылся свежей трещиной.

Безымянный присел. Коснулся дерева.

Перед глазами возникло колесо в мастерской. Не это — другое, больше. Кто-то объяснял, как стянуть обод сырой кожей, если нет железа. Воспоминание исчезло, оставив последовательность движений.

Он проверил ось ножом, постучал рукоятью по ступице.

— Нужна замена целиком. И клин, чтобы поднять телегу. Верёвкой можно удержать ось, но на первом камне обод разойдётся.

— Я то же сказал, — буркнул Таррен.

— Значит, ты возчик.

— Был. Теперь, похоже, человек с плохим колесом.

На борту виднелась дорожная эмблема — четыре луча вокруг пустого центра. Краска стёрлась. Под мешками лежали рунные фитили, мешочек соли, связки свечей и домашняя утварь. Не богатство, а остаток хозяйства, отобранный по тому, что можно увезти одной телегой.

Полог приподнялся.

Девочка лет двенадцати смотрела на безымянного широко раскрытыми глазами. Волосы были обрезаны неровно, чтобы не мешали в дороге. Она держала короткий кухонный нож обеими руками.

За её плечом прятался младший мальчик.

— Линн, — сказал Таррен. — Убери.

— Ты свой не убрал.

— Я взрослый.

— Потому и держишь хуже.

Мейра тихо рассмеялась, затем застонала.

Безымянный увидел её между детьми. Женщина лежала у переднего борта, подложив под спину мешок. Лицо было бледным. Левая нога перевязана от колена до бедра, ткань пропиталась кровью.

— Осколок? — спросил он.

Таррен снова закрыл проход.

— Колесо осмотрел. Дальше не твоё.

— Повязка наложена поверх щепки. Если она осталась внутри, тряска усилит кровотечение.

— Ты лекарь?

— Не помню.

— Ещё раз это скажешь, и я...

— Таррен, — остановила Мейра. — Пусть посмотрит.

— Нет.

— Ты спрашивал меня час назад, чувствую ли я пальцы. Я солгала.
Мужчина побледнел.

— Что значит солгала?

— Значит, не чувствую два последних. Подпусти его.

Таррен стоял неподвижно. Топор опустился совсем, но рука не разжалась.

Безымянный снял перчатки и показал ладони. Пепельные линии на левой были почти незаметны.

— Я не буду использовать руны.

— Какие руны? — сразу спросил Таррен.

Слишком поздно.

— Не местные. И нестабильные. Поэтому не буду.

Таррен посмотрел на Мейру. Она закрыла глаза, собирая силы.

— Если он хотел бы скрыть, не сказал бы, — произнесла она.

— Или сказал ровно столько, чтобы мы так подумали.

— Тогда он умнее нас обоих. Тем более подпусти.

Таррен тихо выругался и положил топор на борт, не выпуская рукоятки.

Безымянный поднялся в телегу. Линн не убрала нож, только отодвинулась. Ровик спрятал лицо в её плече.

— Я посмотрю повязку, — сказал безымянный Мейре. — Если щепка глубоко, здесь не вытащу. Только закреплю.

— Делай.

Он разрезал пропитанную ткань. Рана шла по внешней стороне бедра. Длинный осколок доски вошёл под кожу и обломился. Артерия не задета, но края воспалились. Чувствительность пальцев пропала от слишком тугого жгута, а не от самой раны.

— Хорошая новость: нога, вероятно, цела. Плохая: вы едва не лишили её крови.

— Я затягивал, — сказал Таррен.

— Ты остановил кровотечение. И не знал, когда ослабить. Это лучше, чем дать ей умереть.

Таррен опустил взгляд на собственные руки.

Безымянный ослабил жгут постепенно. Мейра задышала чаще. На лбу выступил пот. Пальцы ноги сначала побелели, затем начали розоветь.

— Чувствуешь?

— Боль.

— Это тоже хорошая новость.

— Лекари любят так говорить.

— Значит, возможно, я был лекарем.

Линн впервые опустила нож.

Щепку он не тронул. Обложил рану чистой тканью из своего запаса, закрепил ногу между двумя тонкими досками, чтобы осколок не двигался. Мейра следила за руками.

— Ты это помнишь, — сказала она.

— Руки помнят.

— А голова?

— Знает, что должна им не мешать.

Ровик выглянул из-за сестры.

— Ты мёртвый?

В телеге стало тихо.

— Ровик! — Таррен повысил голос.

— Он из ложбины пришёл. Ты говорил, оттуда не приходят.

Безымянный посмотрел на мальчика. Лет семи, худой, в слишком большой куртке. На щеке грязная полоса. Страх в глазах соседствовал с любопытством.

— Не знаю, — честно ответил безымянный.

Ровик задумался.

— Мёртвые не говорят «не знаю».

— Откуда ты знаешь? — спросила Линн.

— Они всегда повторяют одно и то же.

Таррен сжал борт.

— Хватит.

Мёртвых Ровик узнавал не по дыханию, а по словам.

Он закончил повязку и спустился.

— Ногу нужно показать лекарю. До этого не вытаскивать осколок и не затягивать жгут, если кровь не хлынет снова.

— Где найти лекаря? — спросила Мейра. — На следующем камне?

— Вы ехали куда-то.

Таррен ответил после паузы:

— К Грейсваллу. Если пустят.

— Это крепость?

— Форт на дороге к Ардхейму. Ближайшие стены, которые ещё делают вид, что держат. Там рунники, солдаты и лазарет. И писцы у ворот.

— Почему «если пустят»?

Таррен посмотрел на перевязанную руку безымянного.

— Проверяют раны. Глаза. Руны. Имена. Особенно имена. Людей без бумаг держат снаружи, пока кто-нибудь не подтвердит, откуда они. Людей со странными ранами отправляют отдельно. Иногда никто не видит, как они возвращаются.

— Возвращаются ли, — поправила Мейра.

— Детям это слышать не нужно.

— Дети уже едут к этим воротам.

Безымянный забрал меч у моста.

— Где я?

Таррен недоверчиво нахмурился.

— Ты правда не знаешь?

— На монете написано «Вейрн». Я не уверен, мир это, земля или имя правителя.

Таррен некоторое время смотрел, не смеётся ли чужак.

— Вейрн — земля под ногами и всё, что успело на ней вырасти. Ардхейм — главный город людей. Грейсвалл — форт впереди. А это Дорога Без Имени.

— Почему без имени?

— Старое стёрлось. Новое меняли столько раз, что люди перестали повторять. Кто-то зовёт Западным трактом, кто-то Межевой дорогой. Для приказов у неё номер, но номер меняется чаще патруля. Дорога есть дорога. Кто по ней ходит — тот знает.

— Вы жили рядом?

— Держал хозяйство у старой межи. Возил зерно, соль, свечной жир. — Таррен кивнул на телегу. — Теперь везу всё хозяйство сразу.

— Что случилось?

— Разломы стали ближе. Сначала скот не хотел пить из колодца. Потом дорожные руны начали зажигаться ночью. Позавчера из амбара вышло что-то в коже моей коровы и попросило открыть дом голосом Мейры. После этого мы уехали.

Мейра отвернулась к переднему борту. Таррен занялся ремнём на топорище, хотя тот не нуждался в поправке.

— А гончие?

— Подхватили след у старой межи. Шли за нами до моста. Не торопились. Будто знали, что дорога сама остановит.

Таррен перевёл взгляд на сломанное колесо.

— Так и вышло.

— Можно поставить замену.

— Из воздуха сделаешь?

— Ты говорил о патрулях. На дороге должен быть лагерь или пост. У повозок возят запасные колёса.

Мужчина посмотрел вниз по высохшему ручью.

— Есть низина. Полдня назад видели там серые плащи. Они не ответили на сигнал.

— Почему сам не пошёл?

Таррен повернулся к телеге.

— Потому что Мейра не встанет. Линн не удержит топор. Ровик замолкает, только когда видит меня снаружи. Если уйду, они останутся не семьёй, а добычей.

Последние слова Таррен произнёс, глядя на сломанное колесо.

Безымянный посмотрел на следы вокруг. Новых гончих не видно. Мост перекрыл путь с запада, но твари могли спуститься в русло или обойти. До лагеря — вероятно, меньше часа. За колесом придётся возвращаться, теряя время на собственном пути.

В сумке лежало обещание Кайру закончить его дорогу. Олсты были живыми людьми на той же дороге.

— Я принесу колесо, — сказал он.

Таррен моргнул.

— За что?

— За возможность перестать стоять здесь.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— У нас мало еды.

— Вижу.

— Монет...

— Оставь для ворот.

Таррен потёр большим пальцем зарубки на топорнице, будто пересчитывал старые долги и не находил места для нового.

— Свои прежде чужих, — сказал он. — Так всегда было.

— Возможно.

— Ты так не думаешь?

Безымянный посмотрел на дорогу.

— Я пока не знаю, кто здесь свой.

Мейра тихо произнесла из телеги:

— Начни с тех, кто не может ехать.

Он кивнул.

Таррен отвёл его к краю насыпи и показал направление.

— Иди вдоль ручья. Не по самой дороге: у сторожевого камня знак врёт. Лагерь в низине, две палатки и повозка. Если серые плащи поднимутся — не слушай, что приказывают. Бей по чёрной руне на шее. Потом ищи колесо, клин и верёвку.

— Откуда знаешь про руну?

— Видел одного такого у нашей межи. Он был мёртв три дня и всё равно требовал путевые листы.

Таррен снял с пояса короткую верёвку и протянул.

— Для колеса.

— Тебе нужнее здесь.

— Здесь есть длинная под телегой. Эта крепче. Вернёшься — вернёшь.

Безымянный принял верёвку. Таррен не отпустил сразу, проверяя, крепко ли тот держит.

— За мной никто не должен идти, — сказал он детям.

Линн подняла подбородок.

— Я не собиралась.

Ровик спросил:

— А если ты не вернёшься?

— Тогда отец найдёт другой способ.

Таррен едва заметно кивнул.

Безымянный пошёл вниз по ручью.

* * *

Русло давало укрытие от дороги, но двигаться по нему было труднее. Между круглыми камнями оставались лужи, покрытые маслянистой плёнкой. Камыши высохли и звенели на ветру. На глинистом берегу отпечатались следы множества сапог — патруль часто ходил к мосту, пока ещё существовал.

Свежих человеческих следов не было.

Безымянный шёл против течения давно ушедшей воды. Справа над берегом тянулся тракт, иногда скрываясь за насыпью. Слева серые холмы подходили ближе. Из одной расщелины доносился тихий металлический стук. Он не стал проверять. На дороге уже хватало вещей, которые повторяли работу после смерти мастеров.

Верёвка Таррена лежала поверх сумки. Грубая, пропахшая дёгтем и лошадьё. Обычный предмет, отданный неохотно. После серебряных дисков и межмировых знаков именно он внушал неожиданное спокойствие: у верёвки было одно назначение, и она не пыталась открыть память.

Через четверть часа русло пересекла старая тропа. На развилке стоял сторожевой камень.

Высокая плита накренилась к крапиве. Верхушка отколота. В выемке горела руна направления, разделённая трещиной на две половины. Левая показывала вдоль ручья к лагерю. Правая — вверх по склону, где не было дороги.

Когда безымянный подошёл, обе погасли. Затем правая вспыхнула серым.

Дорожный амулет из ложбины нагрелся за пазухой. Его собственные ожоги отзывались холодом.

— Таррен предупреждал, — сказал он камню.

Серая стрелка дрогнула и повернулась к нему.

Из травы на склоне донёсся детский смех. Ровик звал:

— Я всё-таки пошёл за тобой.

Безымянный не обернулся. Ушёл от телеги слишком недавно; мальчик не мог обогнать его незаметно. Он продолжил вдоль ручья.

— Подожди! — Голос стал ближе. — Я упал.

Он положил руку на рукоять меча, но не остановился.

Серая руна на камне вытянулась. Голос Ровика сменился голосом женщины из пепельной нити:

— Ты идёшь не туда.

Амулет стал горячим до боли.

Безымянный вынул его. Треснувший камень внутри медного круга дрожал, предупреждая о ложном направлении. Старый предмет ещё выполнял назначение.

Он поднёс амулет к левой половине руны. Тусклый янтарный свет прошёл по правильной линии. Серый знак зашипел, пытаясь переписать направление. Безымянный не вмешивал

собственную силу; просто повернул медный круг так, чтобы четыре зарубки совпали с сохранившимися углами местной вязи.

На один миг камень вспомнил первоначальную дорогу.

В траве проявилась цепочка плоских плит, ведущая не вверх, а вниз к низине. Серая стрелка треснула и погасла.

За спиной кто-то тяжело вздохнул.

Он обернулся.

На склоне никого. Только крапива качалась против ветра.

Безымянный вырезал на сторожевом камне предупреждение: «Серому свету не верить».

Рядом нарисовал обычную стрелку к лагерю.

В этот раз не стал исправлять руну полностью. Без знания местных линий можно было лишь на короткое время вернуть старый смысл. Любая постоянная правка рисковала сделать новую ловушку.

За развилкой появились первые признаки лагеря. Обрывок серой ткани на кусте. Перевернутое ведро. Болт от арбалета, вбитый в землю. Потом запах — мокрый пепел, старая кровь и тёплое железо.

Русло понизилось. Между берегами открылась широкая площадка.

Две палатки просели, одна порвалась от вершины до земли. Щиты стояли полукругом, обращённые к дороге, будто патруль ожидал нападение с востока. Костёр давно погас, но над углями дрожал тёплый воздух. У перевернутой повозки темнели две фигуры в серых плащах.

Они стояли спиной к безымянному.

Один держал прямоугольный щит. Голова без шлема была наклонена. Кожа на шее почернела вокруг руны. Второй опирался на длинное копьё. Его левая нога вывернулась под неправильным углом, однако вес тела распределялся на неё без боли.

— Держать пост, — сказал щитоносец.

— Отступление запрещено, — ответил копейщик.

Они повторили.

Ворона принесла эти слова отсюда.

Безымянный спустился в низину, не скрываясь. Напасть со спины было проще, но он хотел увидеть, способны ли ратники реагировать не только на движение.

— Пост пал, — сказал он. — Ваш патруль погиб.

Обе головы повернулись одновременно.

Глаза оставались мутными. На лицах виднелись раны, несовместимые с жизнью. Щитоносцу рассекли висок. У копейщика в груди застрял обломок меча.

— Путь лист, — потребовал щитоносец.

— Нет.

— Задержать до проверки.

— Кто дал приказ?

Ратники молчали. Чёрные руны на шеях вспыхнули.

— Держать пост.

Они двинулись как единое целое. Щит впереди, копьё над правым плечом. Даже смерть не разрушила строевую выучку — заражение использовало её.

Безымянный отступил к камням русла. Копейщик ударил первым. Остриё прошло там, где мгновение назад была грудь. Безымянный отвлёк древко мечом и попытался войти ближе, но щит врезался в плечо. Удар отбросил к берегу.

Ратники не преследовали по отдельности. Восстановили строй. Снова шагнули.

Чёрные знаки связывали их движения. Пока руны держались, каждый компенсировал слабость другого. Копейщик прикрывал расстояние. Щитоносец закрывал корпус.

— Держать пост.

Копьё ударило низко. Безымянный перепрыгнул древко, рубанул по краю щита. Лезвие высекло искры, не пробило дерево. Щитonosец повернул корпус, прижимая его к берегу. Копьё пошло к горлу.

Он упал на спину. Острие царапнуло наплечник. Ударил ногой в колено щитonosца. Сустав хрустнул, но мертвец не почувствовал. Только изменил стойку, сохраняя щит вертикально.

Безымянный перекатился в русло.

Можно было открыть руны и разорвать связь одним импульсом — заплатить болью и оставить Голосу след. Безымянный удержал ожог закрытым. Перед ним стояли два мёртвых тела, соединённые местным приказом; сначала следовало разорвать сам приказ.

Он поднял камень и бросил в копейщика.

Тот отбил древком. На полмгновения оружие ушло в сторону. Безымянный бросился вперёд, наступил на щит снизу и толкнул вверх. Щитonosец закрыл себе обзор. Клинок безымянного прошёл под рукой и рассёк чёрную руну на шее.

Знак лопнул.

Мертвец остановился. Щит опустился. На лице появилось не сознание — отсутствие приказа.

Копейщик дёрнулся, словно потерял половину тела. Его руна вспыхнула ярче, пытаясь удержать строй в одиночку.

— Отступление запрещено!

Он ударил серией быстрых выпадов. Первый безымянный отвлёл. Второй рассёк рукав. Третий пробил пластину на боку и вошёл неглубоко в плоть.

Боль была горячей, настоящей.

Безымянный зажал древко локтем. Копейщик потянул, но застрявшее острие удержало. Он шагнул навстречу, позволяя металлу пройти глубже на толщину пальца, и ударил рукоятью меча по чёрному знаку.

Одного удара не хватило.

Руна обвила клинок тёмными линиями. В голове прозвучал приказ:

Стоять. Не оставлять пост. Не оставлять своих.

На словах «не оставлять своих» чёрная вязь затянулась глубже. Ратник умер, не выполнив долг; через этот долг заражение и держало его.

Безымянный увидел короткое воспоминание: двое солдат закрывают отход товарищей. Командир обещает вернуться. Из палатки слышен крик заражённого. Никто не приходит.

— Они вас оставили, — сказал безымянный.

Мертвец вздрогнул.

— Держать...

— Пост уже не удержать.

— Не оставлять своих.

— Твои ушли.

Слова были жестокими, но правда ослабила внедрённый смысл. Чёрная руна дрогнула.

Безымянный рассёк её.

Копейщик выпустил древко. На мгновение мутные глаза прояснились.

— Мы ждали, — прошептал он собственным голосом.

Потом упал.

Щитonosец, лишённый связи, всё ещё стоял. Безымянный подошёл. Мертвец не поднял оружие. Тело держалось только остатком руны и привычкой.

— Пост окончен, — сказал безымянный.

Щит выскользнул из мёртвых пальцев. Ратник осел рядом с товарищем.

Тишина вернулась в лагерь.

Безымянный вытащил копьё из бока. Кровь потекла сильнее. Он прижал ткань, проверил глубину. Рана неприятная, но не смертельная. Если бы отступил от третьего выпада, бой продолжался бы дольше. Тело выбрало принять меньшую рану ради возможности приблизиться.

Снова оно считало его жизнь дешёвым ресурсом.

Женщина из пепельной нити предупреждала именно об этом, пусть её сообщение приходило обрывками.

Он перевязал бок и заставил себя посидеть, пока головокружение не прошло. Только потом занялся лагерем.

Первым закрыл мертвецам глаза. На жетонах стояли имена: Ивар Тенн и Сорн Майл. Он положил щит между телами, копьё — сверху. Хоронить не было времени и сил, но оставить их стоять на чужом приказе было хуже любой неглубокой могилы.

За повозкой нашлось запасное колесо. Целое, немного меньше колеса Олстов, зато ступица подходила к дорожной оси. Оно крепилось двумя железными скобами. Рядом лежали клин, домкрат с руной веса и моток толстой верёвки.

Задача могла быть закончена.

Но следы когтей внутри лагеря требовали объяснения.

Они начинались возле закрытой палатки, а не приходили с дороги. Несколько отпечатков шли кругами вокруг костра, затем превращались в человеческие следы босых ног. На ткани палатки изнутри засохла кровь.

Безымянный откинул полог.

Внутри лежали три пустые постели и связанный человек.

Молодой разведчик сидел у центрального столба. Запястья привязаны за спиной, лодыжки стянуты. Бок разорван от бедра до нижних рёбер. Чёрные нити двигались вокруг раны, иногда исчезая под кожей.

Он был жив.

Глаза открылись.

— Не подходи, — попросил разведчик. — Я пока ещё прошу своим голосом.

Безымянный остался у входа.

— Как тебя зовут?

Разведчик сглотнул.

— Севран Дол. Западный разъезд. — Он поморщился. — Спроси ещё раз.

— Зачем?

— Если отвечу другим именем — уходи. Или убей. Только не развязывай.

— Севран Дол.

— Да.

— Кто тебя связал?

— Ивар. До того, как перестал слышать себя. Мы решили: укушенных держать отдельно до возвращения командира. Потом командир не вернулся. Потом Сорн начал повторять приказ. — Разведчик прикрыл глаза. — Сколько они стоят снаружи?

— Уже не стоят.

Севран долго молчал.

— Хорошо.

Слово прозвучало как горе, которому не осталось сил быть горем.

Безымянный осмотрел палатку. На полу лежала фляга вне досягаемости связанного. Миска с засохшей кашей. Нож, специально оставленный у столба — возможно, на случай, если Севран решит закончить сам, но слишком далеко от пальцев.

— Давно ты без воды?

— День. Может, два. Здесь время... повторяется.

— Я поставлю флягу рядом. Не развязываю.

— Сначала понюхай.

Вода пахла медью, но не гнилью. Безымянный вылил немного на землю. Капли упали вниз, не поползли к ране. Он приблизился ровно настолько, чтобы поднести горлышко к губам разведчика.

Севран пил маленькими глотками. Руки дрожали. На третьем глотке чёрные нити под кожей зашевелились, потянулись к воде. Безымянный отнял флягу.

— Ещё, — прохрипел разведчик.

Голос стал глубже.

— Назови себя.

— Сев... — Лицо исказилось. — Севран Дол.

— Кого ждёшь?

— Командира.

— Он вернётся?

Разведчик засмеялся. Смех быстро перешёл в кашель.

— Нет. Поэтому оно и обещает.

— Кто?

Севран посмотрел вниз, не на землю, а будто сквозь неё.

— Голос. Не имя. Никто не знает имени. Он говорит из-под камня. Сначала обещал, что командир идёт с помощью. Потом — что Ивар и Сорн не мертвы. Потом голосом моей матери сказал, что рана закроется, если я разрешу войти глубже.

— Разрешил?

— Я позвал её мамой.

Чёрная нить вышла из раны и тут же спряталась.

— Этого хватило.

Безымянный присел на расстоянии вытянутого меча.

— Рану можно очистить?

— Наш рунник пытался. Чёрное ушло из крови и появилось в его знаке. Потом знак стал звать гончих. Рунник сжёг себе руки, чтобы разорвать круг. Всё равно умер.

— Я использую другие руны.

— Вижу.

Безымянный посмотрел на закрытое наручем запястье.

— Как?

— Когда ты вошёл в лагерь, рана повернулась к тебе.

Севран снова прикрыл глаза.

— В приказе был такой след. Пепельно-белый. Мы должны были искать человека без подтверждённого имени. Не задерживать у дороги, не допрашивать. Только отметить и послать закрытый знак в Грейсвалл.

Холод в левой руке усилился.

— Когда пришёл приказ?

— До всплеска. До того, как небо над западом стало белым. Может, за день. Может, за три. Печать Ардхейма, поверх неё — Сайровой канцелярии.

О нём знали прежде, чем он очнулся.

Или искали не конкретного человека, а признаки события, которое ожидали.

— Где приказ?

Севран кивнул к повозке.

— Ящик донесений. Ивар вымарал главное, когда понял, что в лагере кто-то читает наши записи ночью. Оставил копию под двойным дном.

— Кто такой Сайр?

— Архонт Малрек Сайр. — Имя разведчик произнёс тише. — Правит из Ардхейма. Говорит, что спасёт тех, кого ещё можно удержать. В приказах обычно не пишет, кого считает лишним.

— Ты ему не доверяешь?

— Я солдат дороги. Нам не положено доверять. Положено проверять печать.

— Печать настоящая?

— Да.

Поддельную печать можно было бы отвергнуть.

Севран содрогнулся. Зрачки расширились.

— Отойди.

Безымянный поднялся.

— Что слышишь?

— Ивара. Говорит, ты не освободил их. Украл приказ. — Разведчик дёрнул связанными руками. — Не слушай, если я попрошу развязать. Даже своим голосом.

Чёрные нити проступили по шее. На несколько мгновений лицо Севрана стало спокойным.

— Путник, — сказал он другим голосом. — Помоги человеку. Верёвка причиняет боль. Безымянный вытащил меч.

Севран увидел лезвие и зажмурился.

— Подожди. Я здесь. Пока здесь.

— Ты просил убить, если назовёшь другое имя.

— Не назвал.

— Голос уже использует тебя.

— Использует. Но я ещё знаю это.

В палатке пахло потом и влажной землёй. Один удар избавил бы разведчика от заражения, а безымянного — от риска. Севран сам об этом попросил.

Но просьба была дана раньше, когда человек боялся потерять контроль. Сейчас он всё ещё удерживал часть себя и просил подождать. Какое из решений считать настоящей волей?

— Если попытаться очистить, — сказал безымянный, — может стать хуже.

— Хуже — это когда оно останется после меня и пойдёт в ком-то другом. Если твои руны могут разорвать связь, делай.

— Могут забрать что-то у тебя.

Севран улыбнулся разбитыми губами.

— У меня остались имя, мать и приказ, которого я не выполнил. Имя скажу тебе. Мать давно мертва. Приказ можешь забрать. Выбирай цену из оставшегося.

Безымянный не улыбнулся.

— Я не назначаю её.

— Тогда кто?

— Никто. Поэтому она настоящая.

Слова силуэта с карниза вернулись его голосом.

Он снял левый наруч. Пепельные ожоги проступили темнее. Севран смотрел без отвращения — профессионально, как солдат на незнакомое оружие.

— Не Вейрн, — прошептал он.

— Нет.

— Откуда?

— Не помню.

— Значит, приказ про тебя.

— Возможно.

Безымянный положил меч на землю в пределах досягаемости. Не развязывая Севрана, коснулся двумя пальцами края раны.

Холод ударил до плеча.

Перед ним открылась вертикальная трещина. По другую сторону стояли люди патруля, живые и улыбающиеся. Ивар протягивал руку. Сорн держал флягу. За ними женщина с лицом, которое Севран помнил как материнское.

— Домой, — сказала она.

Чёрные нити тянулись от каждого к сердцу разведчика.

Безымянный не пытался закрыть трещину. Искал связь, удерживающую её открытой. Она проходила через одно слово: вернуться.

Нити сходились на одном слове: «вернуться». За ним стояли патруль, мать и последний миг до ошибки. Чужая воля превратила возвращение в разрешение войти.

Безымянный изменил смысл так, чтобы вернуться не назад, а к себе.

Пепельно-белая руна раскрылась на его ладони и вошла в чёрные нити. Боль пронзила обоих. Севран закричал. Люди за трещиной потянули сильнее.

Ты не знаешь, куда возвращать, — сказал Голос. — *У тебя самого нет дома.*

Знак дрогнул. Удержать его местом безымянный не мог.

Безымянный удержал не место. Имя.

— Севран Дол, — произнёс он. — Западный разъезд. Ты попросил связать себя, чтобы не причинить вреда своим. Ты предупредил меня. Это твоё.

Разведчик повторил сквозь крик:

— Севран Дол.

Одна чёрная нить лопнула.

— Ещё.

— Севран Дол. Западный разъезд.

Лопнула вторая.

Материнское лицо по ту сторону исказилось. Рот растянулся слишком широко.

— Она не говорила так, — выдохнул Севран. — Мать никогда не звала домой. Говорила: «Сначала закончи работу».

Последняя связь разорвалась.

Чёрные нити вышли из раны сразу, как клубок живых корней. Они обвили руку безымянного, пытаясь перейти в нового носителя. Его ожоги вспыхнули. На мгновение он почувствовал огромный голод в глубине мира.

Он мог принять заражение и уничтожить внутри себя, как сделал с аватаром на белом поле. Тело уже готовилось повторить знакомый путь.

Нет.

На этот раз он не был обязан становиться сосудом.

Он прижал чёрные нити к земле рукоятью меча и провёл белой линией не через себя, а вокруг них. Местная почва сопротивлялась чужому знаку. Камни треснули. Руна замкнулась ценой боли в ладони.

Нити вспыхнули без огня и стали обычным пеплом.

Севран обмяк.

Безымянный проверил пульс. Слабый, неровный. Рана оставалась смертельной: заражение удерживало кровь и заменяло разрушенную ткань. После очищения тело снова подчинилось своим повреждениям.

Разведчик открыл глаза.

В них больше не было чёрного блеска.

— Больно, — прошептал он.

— Знаю.

Эту боль тело узнало раньше разума.

— Получилось?

— Связи нет.

— А я?

Он не солгал.

— Умираешь.

Севран кивнул.

— Хорошо.

— Нет.

— Нет, — согласился разведчик. — Но моё.

Безымянный развязал руки и осторожно уложил его на постель. Теперь верёвка была не нужна. Дал воды. Севран смог сделать один глоток.

— В ящике карта, — напомнил он. — Возьми. У сторожевого камня правому пути не верь.

— Уже понял.

— Упрямый знак.

— Как и солдаты.

Севран едва улыбнулся.

— Если увидишь Орвена Латта... он ушёл с донесением. Ранен, но жив был. Скажи: мы дождались смены. Просто она пришла не оттуда.

— Скажу.

— Обещаешь?

Безымянный подумал о Кайре, жетоне и деревянной птице.

— Да.

Севран закрыл глаза.

— Ещё одно. Не показывай приказ первому писцу в Грейсвалле. Мирон Эст спросит, где взял. Потом спросит, почему ты совпадаешь с описанием. Он задаёт вопросы мягко. Из-за этого люди отвечают больше, чем хотели.

— Ты его знаешь?

— Видел чистые перчатки на грязной дороге.

Дыхание разведчика стало реже.

— Мать звали Илса, — сказал он. — Чтобы настоящий голос не исчез вместе со мной.

— Илса.

— Сначала закончи работу...

Севран Дол умер на собственном имени.

Безымянный просидел рядом, пока не убедился, что чёрные нити не вернутся. Потом накрыл тело серым плащом.

В лагере стало трое мёртвых, освобождённых от приказа, и один живой, которому нужно было вернуть колесо семье.

* * *

Ящик донесений оказался заперт. Ключ висел на поясе Ивара. Безымянный мог взять его, но сначала проверил двойное дно, о котором говорил Севран. Подкладка крепилась четырьмя деревянными штифтами. Один отличался цветом. Он нажал — внутренняя доска приподнялась.

Там лежала карта дороги.

Грейсвалл был отмечен на востоке знаком серой стены. Между лагерем и фортом находились Двор Старой Межи, разрушенный рунный мост и Рваные поля. Красными крестами обозначены исчезнувшие патрули. В Пепельной ложбине стоял чёрный круг без подписи.

Его место пробуждения уже существовало на карте как опасная зона.

Рядом лежал приказ. Часть строк вымарали ножом, но под косым светом сохранились вдавленные следы:

«Всем западным постам... случаи пепельно-белых рун... человек без подтверждённого имени... след перехода... не вступать в продолжительный контакт... сообщить Сайровой канцелярии... объект может рассматриваться как...»

Последнее слово выскоблили особенно тщательно. На копии под двойным дном от него тоже остались только верхние части букв. Прочсть можно было по-разному: «перенос», «переход», «проводник» — или вовсе другое канцелярское определение.

В перечне он был не преступником, не заражённым и не свидетелем, а объектом неизвестного назначения.

Он перечитал несколько раз. Какой бы термин ни уничтожили, кто-то в Ардхейме знал достаточно, чтобы описывать человека не как человека.

Безымянный свернул приказ и спрятал под бронёй отдельно от карты. Открытый ящик содержал обычные рапорты: нехватка еды, повреждённые фонари, исчезновения, просьбы о смене. На большинстве стоял штамп «Проверка не подтверждает угрозу». Последний документ приказывал патрулю оставаться на месте до дополнительного распоряжения.

Дополнительное распоряжение не пришло.

На обороте Сорн написал углём: «Если пост должен стоять без людей, пусть канцелярия пришлёт камни».

Безымянный забрал только закрытый приказ и карту. Остальное завернул в промасленную ткань, чтобы следующий патруль — если он будет — увидел историю целиком.

В потухшем рунном фонаре нашёлся целый кристалл. Света он не давал: чёрная точка плавала в глубине. Безымянный не стал брать. Заражённая энергия могла пригодиться, но без-опасно очищать её он не умел.

Колесо снималось тяжело. Одна скоба заржавела, вторую погнуло при падении повозки. Пришлось использовать копейное древко как рычаг. Рана в боку открылась. Кровь пропитала повязку.

Он остановился, сел на землю и впервые позволил себе признать усталость.

За два дня — если после пробуждения прошло именно столько — тело пережило падение между мирами, бои, подъём по скале, шептуна, стаю, заражённые руны и копьё. Оно продолжало двигаться не потому, что не могло сломаться. Потому что слишком хорошо умело откладывать расплату.

Если он рухнет по дороге с колесом, помощь не получит никто.

Он съел половину сухого пайка из общего ящика, записав на внутренней крышке: «Один паёк взят для помощи семье у моста». Подумал и добавил знак незамкнутого круга вместо подписи.

Еда была жёсткой и пересолённой. Вернула достаточно сил.

Он закрепил колесо верёвкой Таррена, продел древко через ступицу и поднял на плечо. Вес оказался значительным, но распределялся терпимо. Клин и моток верёвки привязал сверху. Домкрат с руной веса проверил: знак ещё работал, хотя кристалл питания треснул.

Перед уходом перетащил тела в одну палатку. Севрана положил между Иваром и Сорном. Щит поставил у входа, копьё — рядом. На пологе написал имена и слова: «Пост окончен».

Могила у них не было. Чужой приказ больше не определял, как им стоять после смерти.

Он вышел из лагеря с колесом на плечах.

* * *

Обратный путь оказался длиннее.

Колесо цеплялось за кусты, древко давило на ключицу. Рану в боку тянуло при каждом шаге. Безымянный менял плечо, но на левом ожоги реагировали на металл ступицы: местная руна вращения всё ещё жила в дереве и пыталась понять чужой резонанс.

В первый раз он прошёл от сторожевого камня до лагеря меньше чем за час. Теперь через час камень не появился.

Русло оставалось тем же. Справа тянулась насыпь. На глине виднелись его собственные следы, только направленные вперёд, к лагерю. Он шёл по ним навстречу — и снова оказался у порванной палатки.

Дорога вернула его.

Серая руна сторожевого камня не погасла окончательно. Ложное направление распространилось по старым путевым линиям и замкнуло низину. На пути туда амулет помог увидеть верную тропу. На обратном пути тяжёлое колесо с местной руной стало частью дорожной системы и подчинилось неверному маршруту.

Он опустил груз.

Можно было снять железную шину или вырубить знак вращения из ступицы. Тогда колесо перестанет быть пригодным. Можно открыть свои руны и прорезать короткий путь, но след увидят существа и, возможно, канцелярия.

Он осмотрел ступицу. В центре была бронзовая втулка с четырьмя дорожными знаками: вращение, опора, возвращение, счёт пути. Последний и связывал предмет с трактом.

Безымянный взял рунный мел и замкнул знак счёта маленькой временной петлёй. Теперь колесо должно было считать пройденный путь завершённым в точке, где находится, и перестать слушать сеть.

Линия вспыхнула. Втулка нагрелась.

Он поднял колесо и пошёл снова.

Через двадцать минут увидел сторожевой камень с обратной стороны. Серая стрелка металась между лагерем и холмами. Когда безымянный приблизился, амулет завибрировал, а временная петля на ступице начала стираться.

— Не сегодня, — сказал он руне.

Он обошёл камень по руслу, не вступая на старую тропу. Серая линия потянулась следом, но не пересекла воду. Даже почти высохший ручей сохранял значение границы.

За поворотом послышались шаги.

Не гончи. Тяжёлые, неровные. Кто-то шёл по берегу навстречу, волоча ногу.

Безымянный поставил колесо перед собой как щит.

Из камышей вышел человек в сером плаще. Не Ивар и не Сорн. Лицо закрывала кровавая повязка. Правая рука прижимала к груди связку документов, левая держала короткий меч.

— Стоять, — произнёс он.

Голос был живым.

— Назови себя, — потребовал безымянный.

— Сначала ты.

— Не могу.

Солдат поднял меч.

— Тогда приказ совпал.

— Какой приказ?

— Человек без имени. Пепельная руна. Идёт с запада.

Он был ранен, но не заражён явно. На шее не горело чёрного знака. Пальцы дрожали от потери крови.

— Ты из лагеря? — спросил безымянный.

— Четвёртый разъезд. Наш пост севернее.

— Почему один?

— Остальные задерживают тварей.

Ложь прозвучала уставной формулой. Безымянный заметил на сапоге солдата серую пыль и отпечаток той же руны, что у сторожевого камня.

— Ты ходишь по кругу.
— Я иду в Грейсвалл.
— Грейсвалл на востоке. Ты идёшь к лагерю с запада.
Солдат оглянулся. Взгляд потерял уверенность.
— Камень показал...
— Камень лжёт.
— Камень не может лгать.
— Может ошибаться. Может повторять чужую волю. Может отправлять тебя обратно, пока ты не умрёшь на дороге.
— Приказ говорит доверять путевым знакам.
— Тот же приказ велит задержать меня?
Солдат крепче прижал документы.
— Опустить оружие. Показать руки. Следовать на проверку.
— Куда?
Ответ не пришёл.
Мужчина смотрел на серую стрелку за поворотом, словно только сейчас понял, что не знает направления.
— Как тебя зовут? — снова спросил безымянный.
— Дален Рист. Четвёртый западный.
— Дален, твой отряд не задерживает тварей. Что случилось?
— Они... — Он сглотнул. — Камень показал разные пути. Командир разделил нас. Я получил донесение и пошёл к форту. Через час вернулся к телам. Потом снова ушёл. Потом...
— Сколько раз?
— Не знаю.
Повязка на лице пропиталась свежей кровью. Под ней виднелась глубокая царапина, но не заражение.
— Отдай приказ, — сказал безымянный.
Дален вскинул меч.
— Нет.
— Тогда хотя бы не исполняй его на мне. Я вывожу тебя из петли.
— Почему?
— Потому что ты ещё можешь идти по своей воле.
Солдат смотрел долго. Затем опустил меч на толщину пальца.
— Руки.
Безымянный показал. Наруч скрывал ожоги не полностью; тонкая белая линия была видна.
Дален побледнел.
— Совпадает.
— Да.
— Я должен...
— Выбрать, что важнее: доставить приказ или задержать человека, который знает дорогу.
Одно ты уже не сделаешь без другого.
Дален убрал меч.
— Пойдёшь впереди.
— С колесом?
— Пойдёшь как получится.
Безымянный снова поднял груз.

Они пересекли русло ниже камня. Дален несколько раз оглядывался на серый свет, однако амулет безымянного дрожал, когда солдат отклонялся к ложной тропе. Через сотню шагов путевая петля отпустила их.

Дорога к мосту стала прямой.

— Там семья с телегой, — предупредил безымянный. — Не поднимай оружие.

— Ты уже собрал свидетелей?

— Я принёс им колесо.

— Люди редко возвращаются за колесом, если за ними идёт приказ.

— Значит, запиши как несоответствие.

Дален почти улыбнулся. Потом пошатнулся.

Безымянный успел подхватить его свободной рукой. Солдат напрягся, ожидая нападения, но сил оттолкнуть не осталось.

— Далеко до моста? — спросил он.

— Полчаса здоровому. Нам — больше.

Они сделали перевал у разбитой поилки. Безымянный сменил повязку Далену. Царапина шла от брови до челюсти, глаз уцелел. В сумке солдата нашлись лекарства, но он берёт их для донесения — так выразился, будто бумага могла получить заражение.

— Используй на себе, — сказал безымянный.

— В Грейсвалле спросят расход.

— Скажешь, что иначе не дошёл бы.

— Это не всегда принимают.

— Тогда скажешь, что украл человек без имени.

Дален посмотрел на него.

— Украдёшь?

— Если потребуется.

Солдат отдал пузырёк.

Безымянный промыл рану и наложил чистую ткань. Дален наблюдал за руками.

— Не похож на угрозу из приказа, — пробормотал он.

— Ты читал слово.

— Не должен был. Печать порвалась, когда командир умер.

— Что оно означает?

— Не знаю. В канцелярских приказах людей называют объектами, носителями, случаями. Последнюю строку нашей копии выскоблили до того, как я её увидел.

— Мирон Эст?

Дален напрягся.

— Откуда имя?

— Разведчик из лагеря.

— Жив?

— Умер собой.

Солдат понял и не спросил подробнее.

— Мирон в Грейсвалле, — сказал он. — Собирает показания о серых нитях. Если увидит тебя...

— Сначала спросит мягко.

— Значит, тебя хорошо предупредили.

Они продолжили путь.

У моста Таррен заметил две фигуры и поднял топор. Линн выглянула с ножом. Безымянный поставил колесо на землю и поднял пустую руку.

— Он живой, — сказал он.

— Смотря кого спросить, — отозвался Дален.

Таррен узнал серый плащ.

— Патруль?

— Четвёртый западный. Мне нужна вода и десять минут.

— А ему? — Таррен кивнул на безымянного.

— Пока не решил.

— Решай после колеса, — сказала Мейра из телеги. — Мы уже слишком долго стоим ради чужих сомнений.

Безымянный посмотрел на Таррена.

— За мной пришёл только он. Остальное осталось у камня.

Таррен заглянул за их спины, прислушался и наконец воткнул топор в грязь.

— Тогда ставь колесо к борту. Только не греми.

* * *

Ремонт начался с того, что все спорили, кто способен поднять телегу.

Таррен настаивал, что справится сам. Безымянный указал на его дрожащие руки. Дален попытался встать после воды и едва не упал. Мейра предложила перестать мерить гордость возле сломанной оси и использовать домкрат.

— Руна веса на нём треснула, — сказал Таррен, осмотрев инструмент.

— Работает рывками, — ответил безымянный. — Поэтому сначала поставим каменную опору. Если знак погаснет, телега не упадёт на руки.

— Ты рунник?

— Нет.

— Лекарь?

— Не знаю.

— Возчик?

— Тоже.

Таррен покачал головой.

— Хорошо устроился. За каждую ошибку можно сказать, что не помнишь ремесла.

— За ошибки тело обычно напоминает болью.

Таррен хмыкнул и первым отвернулся к домкрату.

Они разгрузили заднюю часть телеги. Линн подавала небольшие узлы, Ровик перетаскивал свечные фитили по одному и складывал слишком аккуратно. Безымянный заметил, что мальчик каждый раз касается борта четырежды перед тем, как отойти.

— Зачем? — спросил он.

Ровик замер.

— Чтобы телега не исчезла.

— Кто научил?

— Никто. Если четыре раза, дверь не открывается.

Таррен резко сказал:

— Не слушай. Детская привычка.

Чёрная дверь в повозке пропавшего каравана тоже была связана со счётом. Безымянный не стал пугать семью вопросами. Только запомнил.

Под ось подложили два плоских камня. Домкрат установили между ними. Таррен очистил руну веса от ржавчины. Безымянный вставил треснувший кристалл и повернул бронзовый ключ.

Инструмент загудел. Янтарные линии вспыхнули. На мгновение край телеги стал легче, поднялся почти без усилия. Затем знак моргнул, вес вернулся. Каменная опора приняла удар и треснула, но выдержала.

— Ещё раз, — сказал Таррен.

— Сначала новая опора.

- Пока переставим, кристалл остынет.
- Если не переставим, твоя рука окажется под осью.
- Колесо не ждёт.
- Рука тоже новая не вырастет.

Мейра поддержала из телеги:

- Послушай человека, который хотя бы знает, чего не помнит.

Таррен посмотрел на жену, затем молча нашёл другой камень.

Со второй попытки телегу подняли. Безымянный удерживал домкрат, Таррен выбивал остаток ступицы. Железная шина старого колеса застряла под осью. Пришлось отгибать ломом. Рана в боку снова дала о себе знать.

- Ты кровишь, — заметила Линн.
- Вижу.
- Откуда?
- Копьё.
- В лагере?
- Да.
- Люди?

Он посмотрел на Далена. Патрульный сидел у насыпи, пил маленькими глотками и слушал.

- Когда-то были людьми.

Линн сжала губы.

- Отец говорит, не всё, что похоже на человека, осталось человеком.
- Иногда верно. Но опасно решать слишком рано.
- Почему?
- Потому что тогда легко перестать искать, что осталось.

Дален отвёл взгляд.

Новое колесо оказалось на два пальца меньше. Таррен выругался. Если поставить как есть, телегу перекосит, ступица будет бить на каждом обороте.

- Подложим обруч из сырой кожи, — сказал безымянный.

В памяти снова возникла мастерская и чужие руки. Он не видел лица мастера, только знал порядок. Кожу размочить, обернуть ступицу, стянуть при высыхании.

- До Грейсвалла не выдержит, — возразил Таррен.
- До Старой Межи — может. Там почините правильно.
- Если двор ещё стоит.
- Есть другой способ?

Таррен не ответил.

Они использовали ремень от пустого ящика. Мейра отдала полоску кожи, которой прежде крепили домашний котёл. Безымянный размочил её в ручье, обернул втулку. Таррен поставил колесо и забил клин.

Домкрат погас раньше времени.

Вес телеги рухнул. Каменная опора раскололась. Безымянный успел выдернуть руку, но край оси прижал рукав. Таррен бросился к рычагу. Дален, забыв о ране, помог поднять.

- Цела? — спросил Таррен.

Безымянный освободил руку. Кожа содрана, кость не пострадала.

- Да.
- Я говорил быстрее ставить.
- А я говорил про новую опору.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Мейра рассмеялась первой. Смех снова отозвался болью, но она не остановилась.

Таррен сдался и тоже хрипло усмехнулся.

— Дорога свела двух упрямцев и решила посмотреть, кто останется с руками.

Колесо держалось. Таррен прокрутил его, проверил люфт, подтянул клин. Повозка стояла неровно, зато могла двигаться.

— Не как новое, — сказал он. — Будет бить на каждом камне и ругаться всем железом. До Старой Межи дотянет. Может, до Грейсвалла, если дорога не передумает.

Ровик осторожно коснулся обода.

— Оно чужое.

— Теперь наше, — ответила Линн.

— Чужое не становится своим сразу.

Безымянный посмотрел на мальчика.

— Иногда становится через работу.

— А человек?

Вопрос прозвучал без намёка, но Таррен и Дален одновременно посмотрели на безымянного.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, тоже.

* * *

Когда узлы вернули в телегу, Мейра настояла на привале.

— Лошадь едва стоит, Таррен не ел со вчера, патрульный теряет кровь, а наш безымянный лекарь сейчас свалится и назовёт это памятью тела.

— Мы и так потеряли время, — возразил Таррен.

— Время потеряно, если после него никто не идёт дальше. Садитесь.

Она говорила тихо, но спор закончился.

Линн развела маленький огонь за телегой, закрытый от дороги бортом. Таррен достал котелок. В воду бросили горсть крупы, две сушёные репы и немного соли. Безымянный предложил оставшийся овёс. Таррен хотел отказаться, узнав, откуда он, но Мейра сказала:

— Если владельцы вернутся, отдадим из своего мешка. Если не вернутся, еда всё равно помогла живым.

Он сел у заднего колеса и сменил повязку. Линн молча принесла чистую ткань. Дален держался отдельно, прижав документы бедром к земле.

Таррен заметил серый плащ.

— Где твои люди?

— Мертвы, — ответил Дален.

— Все?

— Кого видел — все.

— А кого не видел?

— Дорога вернула меня к телам четыре раза. Думаю, достаточно.

Таррен помешал похлёбку.

— Патрули давно не те.

— Люди те же.

— Тогда почему дороги пустые?

— Потому что людей меньше.

— Нет. Потому что приказы приходят из Ардхейма быстрее помощи.

Дален положил ладонь на документы.

— Осторожнее.

— С чем? С правдой или печатью?

— С детьми рядом.

— Дети видели больше ваших писцов.

Мейра остановила спор:

— Если хотите мерить вину, дождитесь крепости. Там стены любят эхо. Здесь скажите полезное. Дорога до Старой Межи открыта?

Дален помолчал.

— Через сторожевой камень — нет. По руслу можно пройти. Дальше овраг с малым разломом. Печать ставили, но она слабая.

— Мы проехали рядом ночью, — сказал Таррен. — Ничего не видели.

— Разломы любят, когда их не видят.

— Можно обойти? — спросила Мейра.

— Через старую межевую тропу. Там гончие.

Таррен задержал на безымянном взгляд.

— Сначала доедим, — сказал человек без имени.

Похлёбка была жидкой, но горячей. Он ел медленно. Ровик сидел напротив и не отводил глаз от его рук.

— Покажешь знак? — спросил мальчик.

— Какой?

— Который прячешь.

Таррен резко поставил миску.

— Ровик.

— Он всё равно знает, что я видел.

Безымянный отодвинул край наруча ровно настолько, чтобы показать одну бледную линию.

Ожог не светился.

— Это не рисунок, — сказал Ровик.

— Нет.

— Болит?

— Иногда.

— У двери тоже такие края.

Мейра побледнела.

— Какой двери?

Мальчик понял, что сказал лишнее, и спрятал руки в рукава.

— Никакой.

Линн ответила за него:

— Он рисует во сне. Чёрный прямоугольник и людей рядом. С тех пор как уехали.

— Это просто сон, — сказал Таррен.

— В повозке пропавшего каравана была такая дверь, — сказал безымянный.

Отец вскочил.

— Зачем говоришь при нём?

— Потому что он уже видит. Молчание не сделает знак безопаснее.

— А страх делает?

— Нет. Но ребёнок должен знать, что голос из сна может лгать.

Безымянный обратился к Ровику:

— Если дверь позовёт знакомым голосом, не отвечай. Не считай линии. Не обещай войти.

Разбуди сестру или мать.

— А отца?

— И отца.

— Он сердится.

— Значит, проснётся быстрее.

Ровик кивнул.

Таррен остался стоять. Гнев не исчез, но рядом с ним появилась беспомощность.

— Ты уверен?

— Нет. Поэтому говорю только то, что уже помогло мне выжить.

Мейра протянула руку мужу.

— Сядь. Мы не можем защищать детей от слов, когда за ними идут настоящие твари.

Таррен сел.

После еды разговор стал спокойнее. Безымянный разложил карту на перевёрнутом ящике. Таррен показал Двор Старой Межи — маленький знак двора и башни в стороне от тракта.

— Там Орвен Латт держал дорожный пост, — сказал он.

— Он солдат? — спросил безымянный.

— Был. Потом стал всем понемногу: сторож, писец, человек, который меняет фитили в сигнальной башне. Почему спрашиваешь?

— Севран Дол велел передать ему слова.

Дален поднял голову.

— Ты говорил с Севраном?

— Да.

— Наши считали его пропавшим.

— Он был связан в лагере.

— Заражён?

— Освобождён. Потом умер.

Дален закрыл глаза.

— Что передать Орвену?

— Что они дождались смены. Она пришла не оттуда.

Патрульный повторил фразу, запоминая.

Таррен провёл пальцем по карте дальше.

— После двора дорога к разрушенному мосту. Потом Рваные поля. До Грейсвалла отсюда не день и не два с нашей телегой.

— Почему вы выехали ночью без патруля?

— Потому что днём ждали патруль, — ответила Мейра. — А вечером из амбара заговорили моим голосом.

Таррен смотрел в котелок.

— Я хотел дождаться рассвета.

— Он хотел собрать ещё мешок зерна, — уточнила она. — Не из жадности. Думал, детям понадобится у ворот. Я сказала, что мёртвым хлеб не нужен.

— И тогда рухнула полка, — сказал Таррен. — Щепка вошла ей в ногу. Если бы уехали раньше...

— Если бы уехали раньше, нас могли взять гончие до моста. Не корми прошлое теми решениями, которых уже нет.

Дален развернул собственную карту. На ней были отметки проверок.

— У западных ворот Грейсвалла очередь. Людей с ранами отделяют. Если Мейру увидят так...

— Что? — спросил Таррен.

— Отправят к лекарю или в изоляцию. Зависит от того, кто дежурит и стоит ли рядом Мирон Эст.

— Рана от доски.

— У всех раны от чего-то. Проверяют не рассказ, а реакцию бронзовой пластины.

— Она заражена? — Таррен посмотрел на безымянного.

— Обычное воспаление. Чёрных нитей нет.

— Можешь подтвердить?

— Мои слова у ворот будут слабее твоих.

— Потому что имени нет?

— И потому что руны не местные.

Дален тихо сказал:

— Если дойдём вместе, я подтверждаю происхождение раны.

Таррен недоверчиво прищурился.

— А его сдашь?

Патрульный посмотрел на безымянного.

— Я обязан сообщить о совпадении примет.

— Он вывел тебя из петли.

— Это тоже сообщу.

— Удобная честность.

— Другая будет ложью.

Безымянный вмешался:

— Пусть говорит. Свидетель, которого заставили молчать, становится угрозой позже.

Таррен стукнул ложкой о край миски.

— Ты слишком спокойно относишься к тому, что тебя хотят запереть.

— Нет. Просто не собираюсь покупать безопасность его страхом.

Дален кивнул и убрал документы обратно под плащ.

После привала Таррен предложил старый дорожный амулет — медный круг со слабой серой искрой.

— У нас такие зовут знаками Пути. Возле сторожевых камней дрожат раньше, чем глаз увидит ложный свет. Этот почти выгорел, но тебе пригодится.

Безымянный показал амулет, найденный в ложбине.

— Уже есть.

— Два лучше одного.

— Оставь семье.

Таррен хотел спорить.

— Хлеб детям, кремён Мейре, — сказал безымянный. — Амулет тому, кто поведёт телегу. Я пойду впереди.

Мужчина медленно вернул знак на внутренний крюк.

— Поможешь — не забуду, — произнёс он привычную фразу. Потом осёкся, поняв, кому говорит.

Безымянный посмотрел спокойно.

— Тогда один из нас будет помнить.

Таррен отвёл глаза.

Они погасили огонь, запрягли лошадь и вывели телегу на дорогу.

* * *

Первую версту новое колесо спорило с каждой плитой.

Телега шла с наклоном. Ступица скрипела, влажная кожаная прокладка садилась на место. Таррен держал лошадь под уздцы и прислушивался к каждому удару. Безымянный шёл впереди, выбирая ровный путь. Дален замыкал, часто оглядываясь к разрушенному мосту.

Мейра лежала внутри, придерживая раненую ногу. Линн сидела у заднего борта с ножом. Ровик считал обороты колеса до ста, затем начинал снова.

— Не считай вслух, — попросил безымянный.

Мальчик остановился на тридцати семи.

— Почему?

— На этой дороге знаки иногда цепляются за счёт.

— А если в голове?

— Лучше считай шаги лошади. И каждый раз выбирай новое число, на котором закончишь.

Ровик подумал и решил остановиться на сорока трёх. Через некоторое время — на двадцати девяти. Навязчивое движение пальцев прекратилось.

Таррен тихо спросил:

— Думаешь, дверь через него смотрит?

— Думаю, повторение даёт ей форму. Не запрещай ему замечать. Научи менять порядок.

— Ты говоришь как рунник.

— Рунник сказал бы точнее.

— Рунники много чего говорят точнее. От этого мосты не стоят дольше.

На вершине подъёма дорога разделялась. Один путь шёл прямо по старым плитам. Другой огибал холм по грунту. Сторожевого камня здесь не было, зато у развилки стояли три человеческие фигуры.

Они не двигались.

Безымянный поднял руку, останавливая телегу.

Дален подошёл ближе и узнал плащи.

— Мои.

Трое солдат стояли лицом к востоку. Оружие опущено, головы непокрыты. Между ними на земле лежал четвёртый — командир с разорванным горлом.

— Я видел их тела у камня, — сказал Дален. — Все четверо лежали.

— Теперь трое стоят.

Патрульный вытащил меч.

— Марс? Хейн?

Фигуры не ответили.

На шеях не было чёрных рун. Издалека они выглядели просто людьми, застывшими от усталости.

— Не подходи, — предупредил безымянный.

— Я должен проверить.

— Ты уже проверял четыре раза.

— Тогда я был в петле.

— Возможно, ещё не вышел.

Дален сжал рукоять.

— Удобно считать всё ловушкой, когда тебе не нужны их имена.

Слова попали в слабое место. Безымянный носил жетоны Кайра и Севрана именно потому, что имена имели значение.

— Назови их отсюда.

— Марс Эйд. Хейн Тар. Лорн Вест.

Три головы повернулись.

— Дален, — произнесли они вместе.

Патрульный шагнул.

Безымянный схватил его за плечо.

— Отпусти.

— Спроси то, чего не говорил вслух.

Дален тяжело дышал. Фигуры ждали.

— Хейн, — крикнул он. — Что ты украл у меня в первый день службы?

Средний солдат ответил:

— Три медяка.

Дален побледнел.

— Верно?

— Нет. Он взял шнурок от сапога. Я никому не рассказывал.
Фигуры двинулись.

Не как ратники — слишком плавно. Их ноги не касались земли полностью. Из-под плащей сыпалась серая пыль.

Безликие шептуны использовали тела или воспоминания о телах. На этот раз лиц было достаточно, чтобы обмануть человека, который их любил.

— В телегу! — приказал безымянный.

Таррен посадил детей, схватил топор. Лошадь почувствовала чужое и попятилась.

Дален не отступил.

— Это мои люди.

— Были.

— Ты не знаешь.

— Знаю их ошибку.

Первая фигура раскрыла рот. Внутри не было языка, только клубок серых нитей. Они вылетели к Далену.

Безымянный перерубил. Нити распались мотыльками. Шептун под лицом Марса бросился вперёд.

Дален отбил удар, но не ответил. Не мог поднять меч на знакомое лицо.

Второй шептун пошёл к телеге голосом Мейры:

— Таррен, помоги мне спуститься.

Настоящая Мейра закричала изнутри:

— Не слушай!

Таррен замер между одинаковыми голосами.

Линн бросила кухонный нож. Лезвие попало твари в плечо. Боли она не почувствовала, зато повернула голову к девочке.

Безымянный ударил прежде, чем шептун достиг борта. Меч рассёк серую плоть, выпуская украденные слова.

Третья фигура не нападала. Стояла над телом командира и повторяла:

— Приказ доставить. Приказ доставить.

Человек на земле открыл глаза.

Дален вскрикнул.

Командир поднял руку. В ней был запечатанный пакет.

— Рист. Подойди. Приказ для Грейсвалла.

Печать выглядела настоящей.

— Не бери, — сказал безымянный.

— Донесение могло сохраниться.

— Тогда почему мертвец держит его после четырёх дней?

— Долг.

— Или ошейник.

Командир сел. Разорванное горло не кровоточило.

— Рист. Это приказ.

Дален сделал шаг, потом остановился сам.

— Командир никогда не звал меня Ристом.

Мертвец замер.

— Он говорил «четвёртый», — продолжил Дален. — Даже когда нас осталось двое. Ненавидел фамилии в строю.

Лицо командира разгладилось и стало пустым.

Дален поднял меч.

— Ты не он.

Первый удар рассёк пакет. Внутри вместо бумаги были человеческие волосы. Второй прошёл через горло. Оболочка рухнула.

Оставшиеся шептуны завизжали. Их голоса смешались с голосами семьи, солдат, женщины из пепельной нити. Лошадь рванула построжки. Телега качнулась на новом колесе.

— Держи её! — крикнул Таррен.

Безымянный встал между тварями и бортом. Одна пыталась обойти справа, вторая распалась серой тенью и возникла слева. Обычный клинок повреждал оболочки, но украденные связи собирали их снова.

Ему пришлось открыть руну.

Пепельно-белая линия прошла по лезвию. Не широкая вспышка — тонкий режущий смысл. Отделить голос от того, кто им пользуется.

Он ударил первую тварь. Из неё вырвался крик Мейры и тут же погас, вернувшись настоящей хозяйке только короткой болью в горле. Второй удар освободил голос Хейна. Дален услышал знакомое ругательство и заплакал, продолжая держать меч.

Шептуны потеряли форму. Серые оболочки осели плащами.

Последняя тварь попыталась уйти в тело командира. Безымянный вонзил меч в землю между ними и замкнул линию. Пыль вспыхнула.

На дороге остались четыре тела — настоящие или созданные из памяти, определить было невозможно. Жетоны совпадали с именами. Раны соответствовали рассказу Далена.

Патрульный опустился рядом.

— Они были здесь всё время?

— Не знаю.

— Я проходил мимо четыре раза.

— Возможно, тогда видел только тела. Возможно, шептуны ждали, когда ты согласишься, что вышел.

Дален коснулся руки Хейна.

— Тёплая.

Тело действительно сохраняло тепло, хотя человек был мёртв несколько дней. Украденная память удерживала подобие жизни.

— Нужно похоронить, — сказал патрульный.

Таррен возразил:

— До оврага далеко. Мы не можем стоять до темноты.

Дален посмотрел с ненавистью.

— Это мои люди.

— А в телеге мои.

— Десять минут, — сказал безымянный. — Сложим камни, заберём жетоны. Не могилы. Метки, чтобы вернуться.

Они перенесли тела к развилке. Дален собрал жетоны и документы. Таррен помог сложить камни, хотя всё время смотрел на телегу. Линн держала лошадь. Ровик по просьбе безымянного не считал мёртвых, а называл вслух цвета камней.

На верхнем камне Дален вырезал имена.

— Вернусь, — пообещал он.

Безымянный промолчал. Дален положил ладонь на камень с именами и поднялся.

Они продолжили путь.

* * *

После развилки дорога пошла между низкими холмами. Ветер ослаб. Тишина давила сильнее открытого поля.

Новое колесо постепенно перестало скрипеть. Сырая кожа высохла и стянула ступицу. Таррен слушал, потом удовлетворённо постучал по ободу.

- До двора дойдёт.
- Ты уже говорил.
- Тогда надеялся. Теперь знаю.

Мейра уснула. Линн сидела рядом, удерживая раненую ногу на мешке. Ровик задремал у заднего борта, но пальцы продолжали иногда делать четыре касания.

Дален шёл молча. После встречи с патрулём в нём что-то изменилось. Приказ под плащом больше не казался опорой; стал грузом.

- Покажи документы, — попросил безымянный.
- Зачем?

— В лагере был приказ о человеке без имени. У твоего командира мог быть второй.

Дален вынул пакет. Настоящий, тот, который нёс с начала пути. Печать надорвана. Внутри список постов и распоряжение сверять рунные отклонения с особой таблицей.

Приложение отсутствовало.

— Командир держал таблицу, — сказал Дален. — После смерти пакет остался у него.

Шептун показал копию.

— Значит, видел документ или вытащил образ из твоей памяти.

— Там были признаки: белые линии на руках, оружие с чужой вязью, провал памяти. —

Патрульный посмотрел прямо. — Всё совпадает.

- Кроме намерений.
- В приказе их не спрашивают.
- Поэтому приказ удобнее человека.

Дален спрятал бумаги.

— Думаешь, я не понимаю? Если не доставлю, меня назовут дезертиром. Если доставлю вместе с тобой, возможно, помогу им запереть того, кто спас меня и семью. Если солгу, Мирон найдёт противоречие раньше, чем я закончу первое показание.

- Скажи правду.
- Ты всё ещё это предлагаешь?
- Скажи всю. Не только приметы. Петлю, тела, колесо, Севрана, чёрные руны. Пусть им придётся вымарать больше строк.

- Правда не защищает сама себя.
- Нет. Поэтому нужны свидетели.

Таррен, шедший рядом с лошадью, услышал.

— У ворот скажу, что помог, — буркнул он. — Про руки не спросят — не скажу.

— Спросят, — ответил Дален.

— Тогда скажу, что руками он ставил колесо и вытаскивал тебя из петли. Пусть записывают обе.

Линн выглянула из телеги.

- Я скажу, что он лечил маму.
- Тебя не должны допрашивать, — сказал Таррен.
- Значит, пусть не спрашивают.

Мейра, не открывая глаз, добавила:

— Я скажу сама.

Ожоги под наручем отозвались холодом. Если его след привлечёт тварей или канцелярия накажет свидетелей, Олсты заплатят за помощь ему.

— Не обещайте раньше ворот, — сказал он.

Таррен посмотрел на него.

- Боишься за нас?
- Да.
- Хорошо. Значит, не только мы должны бояться тебя.

Впереди дорога оборвалась.

Не буквально: плиты продолжались на противоположной стороне. Между ними лежал овраг шириной в тридцать шагов. Однако расстояние менялось, если смотреть прямо. То казалось, что можно перепрыгнуть, то дальний край уходил почти к горизонту.

Из глубины поднимался холодный воздух, пахнувший железом и сырой землёй.

Дален остановился.

— Малый разлом.

Три камня вокруг оврага светились слабым янтарным светом. Рунный узел держал щель, но линии между камнями разорвались.

Из глубины кто-то позвал голосом Ровика:

— Папа?

Настоящий мальчик проснулся в телеге.

— Я здесь, — ответил он.

Голос снизу засмеялся.

Таррен развернул телегу поперёк дороги, закрывая детям вид на овраг.

— Обход, — сказал он. — Через межевую тропу.

Дален посмотрел на облака.

— До темноты не успеем. Там два часа без телеги. С ней — четыре.

— Значит, будем идти в темноте.

— На тропе гончие.

— Здесь голос.

— И разлом, который расширяется. Если уйдём, к ночи он перережет дорогу совсем.

Таррен схватил патрульного за край плаща.

— Мне плевать на дорогу. В телеге семья.

— А за вами идут другие семьи.

— Пусть ваши рунники закрывают.

— Рунник этого поста мёртв.

— Тогда форт пришлёт нового.

Дален горько усмехнулся.

— Форт не прислал даже смену.

Таррен стоял между разломом и телегой. Дален — между ним и дорогой, по которой позже могли прийти другие. Из оврага снова позвали голосом Ровика.

— Сначала выведем телегу из зоны голоса, — сказал безымянный. — Назад на двести шагов, за поворот. Дален проверит обход. Я осмотрю узел. Если нельзя закрыть быстро, идём тропой.

— Один? — спросила Мейра.

— Один голос легче отличить от чужих.

Таррен не согласился сразу.

— Мы не можем снова ждать человека, который может не вернуться.

— Тогда не ждите дольше четверти часа. Если не приду — уходите.

— С колесом ты вернётся.

— Поэтому сейчас знаешь, сколько ждать.

Таррен хотел сказать, что не уйдёт. Посмотрел на детей и не смог.

Они отвели телегу за холм. Дален нашёл начало обходной тропы и оставил на камнях обычные метки. Безымянный взял рунный мел, верёвку и дорожный амулет.

Мейра позвала перед уходом:

— Не закрывай дверь собой.

Он остановился.

— Почему так сказала?

— Не знаю. — Она побледнела. — Фраза пришла, когда посмотрела на твою спину. Голос уже пробовал её память или его пепельный след заражал находящихся рядом.

— Если услышишь ещё, не повторяй.

Он вернулся к оврагу.

* * *

Три камня образовывали треугольник вокруг самой узкой части. На каждом была группа местных рун.

Первый означал Опору: закреплял ближний край в привычном расстоянии.

Второй — Связь: утверждал, что противоположные стороны принадлежат одной земле.

Третий — Грань: не позволял трещине расширяться дальше заданной линии.

По отдельности знаки работали. Вместе — нет. Кто-то ставил узел в спешке и ошибся в порядке чтения. Или порядок изменился после смерти наблюдателя.

Энергия шла от маленьких кристаллов в основаниях. Первый почти разрядился. Второй почернел. Третий пульсировал красным.

Безымянный лёг у края и посмотрел вниз.

Овраг имел дно. На нём лежали камни, сухие ветви, остаток патрульного щита. Но между обычными предметами проходила вертикальная щель, не подчинённая направлению земли. Она стояла от дна до воздуха, как узкая дверь. За ней двигался тёмный ландшафт — равнина из влажного камня, освещённая красным светом.

По ту сторону кто-то шёл.

Фигура была слишком высокой для человека и слишком тонкой для гончей. При каждом шаге её конечности меняли число. Она ещё не могла пройти, но уже видела отверстие.

Ближе, — сказал Голос.

Противоположный край оврага приблизился. Безымянный едва не упал. Отполз.

Не смотреть долго. Пространство принимало ожидание наблюдателя: если человек верил, что край рядом, расстояние сокращалось; если боялся глубины, овраг расширялся.

Для закрытия требовалось восстановить совместный смысл трёх знаков и убрать заражённый наблюдатель из второго кристалла.

Женщина, державшая пепельную нить, могла бы прочесть форму точнее. У рунников Грейсвалла, если слова Таррена верны, нашлись бы инструменты. Он был один с обломком мела и рунами, способными превратить ошибку в планарный пролом.

Отказ оставался разумным.

Он привязал верёвку к валуну и обернул вокруг пояса. Другой конец закрепил на камне Опоры. Если расстояние изменится, связь удержит хотя бы тело.

Начал с первого кристалла. Энергии мало, но знак чист. Он углубил мелом стёртую линию и вложил простой смысл: этот край находится здесь.

Руна вспыхнула янтарным. Земля под ногами перестала дрожать.

Второй камень был опаснее. Чёрный кристалл отражал лица Олстов. Таррен держал топор, Линн нож, Ровик касался борта четыре раза, Мейра лежала с закрытыми глазами. Отражения собирались из того, чего безымянный боялся за оставленных людей.

Они уйдут без тебя, — прошептал Голос.

Он сам велел им уйти.

Они расскажут о твоих рунах.

Тоже возможно.

Мальчик уже видит дверь. Ты принёс её к нему.

Он не знал, правда ли это. Пепельный след мог усилить сны Ровика. Помогая семье, он мог приблизить угрозу.

Руна Связи питалась сомнением. Чем сильнее он пытался защитить людей, тем крепче чёрный кристалл связывал их с собой и с разломом.

Нужно было разорвать не связь с людьми, а право чужого наблюдателя определять её смысл.

Он вынул дорожный амулет из ложбины. Местный знак Пути хранил простое отношение: путники могут идти одной дорогой, не принадлежа друг другу и не удерживая друг друга силой.

Положил амулет на чёрный кристалл.

— Мы встретились. Помогли друг другу. Разойдёмся, если выберем. Связь не даёт тебе права говорить их голосами.

Кристалл треснул.

Отражение Таррена подняло топор.

— Свои прежде чужих, — сказало оно. — Ты для нас чужой.

— Да.

Согласие ослабило ловушку.

Линн в отражении направила нож.

— Мы расскажем о тебе.

— Это их выбор.

Ровик нарисовал чёрную дверь.

— Ты не спасёшь всех.

— Нет.

Мейра открыла глаза.

— Тогда зачем продолжать?

Мейра так не говорила.

Безымянный положил ладонь на амулет.

— Потому что невозможность помочь всем не оправдывает отказ от тех, кому можешь помочь сейчас.

Медный круг вспыхнул. Чёрный кристалл раскололся. Из него вышел сгусток тени и попытался войти в ожоги безымянного. Он отдернул руку, позволив местной руне Пути направить чужую волю не в себя, а наружу — обратно к щели.

Тень завизжала голосами семьи и исчезла в овраге.

Камень Связи погас. Теперь его нужно было запитать заново.

Третий кристалл пульсировал быстрее. Руна Грани держала разлом как рама держит дверь, но заражение изменило назначение: вместо запрета расширения знак сохранял щель открытой в установленном размере.

Просто разрушить — значит снять последнюю удерживающую черту и позволить трещине разойтись.

Нужно одновременно изменить форму, соединить три камня и дать узлу энергию.

У него не было кристалла. Оставался резонанс Междумирья.

Женщина предупреждала не открывать ожог. Мейра повторила фразу, которую не могла знать: не закрывай дверь собой.

Он не станет собой закрывать.

Верёвка Таррена соединяла пояс с камнем Опоры. Безымянный снял её и протянул между всеми тремя знаками, образовав физический треугольник. На узлах мелом начертил простые направляющие руны. Носителем станет верёвка. Наблюдателем — местная геометрия. Его сила потребуется только для первого импульса.

Ошибка разорвёт верёвку, камни или саму дорогу.

Фигура по ту сторону щели приблизилась. Теперь различались длинные руки и голова без лица.

Открой, — попросила она голосом женщины из нити.

Пепельный знак на его запястье дрогнул. Настоящая нить или подражание — проверить было невозможно.

Он не ответил.

Вместо этого соединил ладони над центром треугольника.

Опора: этот край находится здесь.

Связь: оба края принадлежат одной земле.

Грань: между ними нет места для чужого мира.

Три смысла сложились.

Он открыл резонанс ровно настолько, чтобы дать импульс.

Пепельно-белая вспышка прошла по верёвке. Местные руны загорелись янтарным. Два разных языка столкнулись. Камень застонал. Земля поднялась волной.

Разлом ударил в ответ.

Верёвка натянулась, едва не разорвав узлы. Из щели хлынул ледяной ветер. Фигура протянула руку. Пальцы вошли в Вейрн и зацепились за край.

Безымянный схватил меч.

Он мог рубить пальцы, но тогда потеряет концентрацию. Руна Грани уже меняла смысл. Если отпустить, заражение закрепит промежуточное состояние.

На дороге за холмом закричала Линн.

Таррен не ушёл.

Лошадь вынесла телегу из-за поворота. Дален и Таррен бежали рядом. Мейра держала детей внутри.

— Я велел уходить! — крикнул безымянный.

— Четверть часа прошла! — ответил Таррен.

— Значит, надо было уходить!

— Дорога есть дорога. Кто-то должен вытянуть того, кто полез в яму!

Дален увидел руку из разлома и побледнел. Потом вогнал копьё в длинные пальцы. Оружие прошло через них, но отвлекло фигуру.

Таррен схватил свободный конец верёвки.

— Что делать?

— Удерживать треугольник. Не давать линии провиснуть.

Таррен намотал верёвку на предплечье. Дален подхватил у второго камня.

— А я? — крикнула Линн.

— Оставайся у телеги!

— Руна на третьем камне гаснет!

Она видела верно. Красный кристалл раскололся, знак Грани терял свет.

Безымянный бросил ей рунный мел.

— Углуби внешнюю линию. Только внешнюю. Не замыкай круг!

Линн поймала и подбежала. Таррен выругался, но не мог отпустить верёвку.

Девочка опустила у камня. Рука дрожала. Она повела мелом по канавке.

— Смотри на линию, — сказал безымянный. — Не дай мелу уйти в соседнюю канавку.

— Рука дрожит!

Внешний контур вспыхнул.

Фигура в щели навалилась сильнее. Длинная рука почти вышла. Ровик закричал из телеги:

— Дверь открывается!

Мейра закрыла ему глаза ладонью.

— Смотри на меня. Не считай. Не слушай.

Три местные руны выровнялись.

Янтарный свет перестал тянуться к ожогам и лёг в канавки местной вязи. Безымянный убрал свою силу.

Янтарный свет остался.

Свет не погас. Узел удерживал себя сам.

— Теперь вместе! — крикнул он.

Таррен и Дален натянули верёвку. Линн замкнула внешний контур. Безымянный провёл мечом сверху вниз вдоль щели, не касаясь её, обозначая границу.

Разлом начал сходиться.

Дальний край дёрнулся. Из осыпи вылетел плоский обломок и ударил Таррена по голени. Острый край рассёк штанину над сапогом. Он рухнул на колено, но верёвку не выпустил — перехватил выше и снова натянул. Кровь быстро потемнила голенище.

Длинные пальцы застряли. Фигура завизжала. Голос ударил из глубины:

Ты снова выбираешь немногих. Сколько погибнет на других дорогах, пока ты держишь эту?

Рядом Таррен держал верёвку, стоя на одном колене. Дален упирался сапогами в осыпь. Линн вела мел по последней канавке. Они сами вернулись сюда.

— Сегодня — эту, — ответил он.

Щель сомкнулась.

Чужую руку отсекло не клинком, а восстановленной реальностью. Она упала на дно оврага, рассыпалась чёрной водой. Противоположный край вернулся на постоянное расстояние. Красный свет исчез.

Руны на трёх камнях горели ровно.

Несколько секунд никто не двигался.

Потом Таррен отпустил верёвку и ударил безымянного в плечо.

Не сильно. Скорее проверяя, стоит ли тот ещё на ногах.

— Четверть часа, — сказал он.

— Вы должны были уйти.

— Ты должен был вернуться.

— Я не обещал.

— Вернулся с колесом. Мы сделали вывод.

Таррен отступил и перенёс вес на здоровую ногу. Из рассечённого голенища текла кровь.

Безымянный сел на землю: ноги перестали держать.

Линн вернула мел. От целого куска остался обломок.

— Я правильно провела?

— Да.

— Тогда почему у меня рука онемела?

Он проверил пальцы. Обычный рунный откат: местный знак взял тепло наблюдателя.

— Пройдёт. Разотри ладонь и не касайся других рун до утра.

— Я теперь рунник?

— Нет.

— Жаль.

— Возможно, хорошо.

Пока Линн растирала онемевшие пальцы, Дален разрезал штанину Таррена и стянул рану полосой чистой ткани. Кость выдержала, но наступал возчик с трудом.

Дален осмотрел узел.

— Такое нужно внести в донесение.

Таррен застонал.

— Разлом только закрылся, а ты уже за донесение.

— Если не записать, следующий патруль сломает верёвку и поставит старый кристалл.

— Тогда пиши полезное, — сказал безымянный. — Три значения, порядок, заражённый камень. Про мои руны — отдельно.

Дален посмотрел с удивлением.

— Не просишь скрыть?

— Рунник Грейсвалла должен знать, почему узел изменился. Мирону не обязательно получать всё первым.

— Донесения идут через канцелярию.

— Сделай две копии.

Патрульный понял.

Они установили возле оврага обычный знак: «Узел восстановлен. Чёрный кристалл уничтожен. Верёвку не снимать». Дален добавил печать дорожной стражи. Таррен, заметно хромая, привязал к столбу полоску красной ткани, которую возчики использовали для опасных мест.

Ровик подошёл, держась за руку матери.

— Дверь закрылась?

— Эта — да, — ответил безымянный.

— А другие?

— Не знаю.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что другие ответы часто были бы ложью.

Мальчик подумал и коснулся камня один раз, не четыре.

* * *

Солнце опускалось, когда телега пересекла овраг по узкому уцелевшему краю.

Теперь расстояние не менялось. Таррен медленно провёл лошадь, не перенося полной тяжести на перевязанную ногу. Новое колесо дважды соскользнуло, но выдержало. На противоположной стороне все выдохнули почти одновременно.

Обходная тропа осталась пустой. Гончьи силуэты появились на дальнем гребне, но не приблизились к восстановленному узлу. Возможно, закрытие разлома оборвало зов. Возможно, стоя просто ждала ночи.

Дорога снова поднялась.

Ветер принёс запах дыма, на этот раз обычного: дрова, каша, смола. Потом между холмами появился свет.

Одинокий фонарь горел на высокой башне. Он был слаб, временами почти исчезал, но возвращался.

Таррен остановился.

— Старая Межа.

Он произнёс название тихо и снял с крюка дорожный амулет. Камень внутри не дрожал. Безымянный проверил свой. Тоже спокойно.

— Настоящий, — сказал он.

Линн разбудила Мейру. Ровик высунулся из-под полога и смотрел на свет, не считая вспышки.

Дален поправил серый плащ и документы. До двора оставалось меньше часа, но именно теперь он снова стал солдатом, которому придётся решить, что докладывать.

— У ворот двора могут спросить имя, — сказал Таррен безымянному.

— Знаю.

— Можешь придумать.

— Могу.

— Почему не придумаешь?

Безымянный посмотрел на незамкнутый знак, которым подписал запись Кайру.

— Потому что имя станет первым удобным ответом. Я не хочу начинать новую жизнь с лжи, если можно сказать, что ответа пока нет.

— Люди боятся пустого места.

— Я тоже.

Таррен кивнул.

— Тогда скажу, что знаю: человек без имени помог Олстам, освободил патрульных от приказа и закрыл овраг. Остальное пусть спрашивают у тебя.

Дален добавил:

— Я подтверждаю. И отмечу руны.

— Честно, — сказал безымянный.

— Удобно, — напомнил Таррен.

— Нет. Удобно было бы выбрать половину.

Они двинулись к свету.

За спиной оставались разрушенный мост, пустой караван, мёртвый лагерь и тонкий чёрный шов там, где закрылся разлом. Дорога не стала безопасной. Только перестала на одном участке вести прямо в чужую волю.

Безымянный шёл впереди телеги. Верёвка Таррена теперь соединяла три рунных камня у оврага. В сумке лежали жетоны и обещания. Под бронёй — приказ, называвший его объектом и скрывавший главное определение.

Он уже знал название земли под ногами.

Вейрн.

Знал направление.

Грейсвалл.

И видел первый свет места, где живые могли спросить, кто он.

Ответа всё ещё не было.

Но на Дороге Без Имени это впервые не казалось единственной важной правдой.

Глава третья. Пепельная нить

«Имя дано не для того, чтобы удержать человека. Имя нужно, чтобы позвать его обратно».

— *надпись на двери лазарета Лиор-Тала*

После оврага мир начал отражать то, чего в нём не было.

Сначала изменились лужи.

Дождя не было со вчерашнего дня, однако между дорожными плитами выступала вода. Она собиралась в неглубоких впадинах и лежала неподвижно, хотя ветер шевелил траву по краям. В первой луже отражались облака. Во второй — тёмный силуэт телеги. В третьей вместо вечернего неба стояла белая башня, расколота от вершины до основания.

Человек без имени остановился.

Олсты продолжали двигаться. Новое колесо глухо ударяло на каждом стыке. Таррен вёл лошадь, Дален шёл сзади. Фонарь Старой Межи мерцал впереди между холмами.

В луже башню окружал город из светлого камня. Мосты соединяли верхние этажи. По ним бежали люди в длинных плащах. Над крышами не было солнца — только белый разлом, похожий на рану в самом небе.

Безымянный уже видел это место в обрывках памяти. Или другое, слишком похожее.

Он наклонился, не касаясь воды.

На поверхности возникла тонкая серая линия. Она не светилась, как руны Вейрна, а будто выгорала изнутри. Несколько неполных знаков Связи, Памяти и Поиска вытянулись к отражённой башне, оборвались, собрались снова и повели на восток.

Пепельная нить.

Он не знал её названия. Образ пришёл сам: не верёвка, способная вытянуть из одного мира в другой, а обугленный след между двумя людьми.

Вода дрогнула.

На мосту показалась женщина. Светлые волосы развевались, лицо скрывалось за дымом. Она обернулась точно к нему.

Ожог под ключицей вспыхнул.

Он отступил.

— Ты идёшь? — окликнул Таррен.

Лужа снова отражала облака.

— Иду.

— Тогда почему стоишь?

— Проверял направление.

Таррен посмотрел на сухие камни дороги.

— Вода теперь лучше камней знает?

— Иногда.

Таррен плотнее сжал повод.

Безымянный догнал телегу. Ровик сидел у заднего борта и смотрел не на него, а на лужи.

— Там была другая дорога, — сказал мальчик.

— Ты видел?

Ровик кивнул.

— Белая. И женщина далеко.

Таррен услышал, сжал повод.

— Ничего там не было.

— Было.

— От воды после разлома голова кружится. Не смотри вниз.

— Он тоже видел.

Все взгляды обратились к безымянному.

Скрывать дальше не получалось. Оставалось сказать ровно столько, сколько он знал сам.

— Кто-то оставляет след в отражениях, — сказал он. — Ищет меня.

Дален поправил перевязь меча.

— Человек?

— Думаю.

— Имя?

— Не знаю.

— Конечно, — буркнул Таррен.

Мейра приподнялась внутри телеги.

— Это тот голос, который говорил из оврага?

— Нет.

— Уверен?

— Нет.

Таррен остановил лошадь.

— Ты ведёшь нас за знаком и не знаешь, кто его оставил?

— Я веду вас к фонарю. Знак идёт рядом.

— Пока.

Дален вмешался:

— В донесениях упоминали женщину-мага. Появилась после вспышки на западе. Спрашивала о человеке без имени.

Безымянный повернулся.

— Где?

— У старого рунного моста. Наш разъезд получил сообщение через сигнальную пластину. Половина строк сгорела. Осталось: светлые волосы, дорожный плащ, руки в рунной золе. Пришла со стороны местного разлома, но заражения не показала.

Описание совпадало с руками в воде и силуэтом на белом мосту.

— Куда пошла?

— Пластина дала два разных направления. Один свидетель говорил к Грейсваллу. Другой — обратно в поля. Мирон приказал собирать показания, не приближаться и отмечать серые знаки.

— Почему не сказал раньше?

— Ты не спрашивал о женщине, которую не помнишь.

— Ты видел нить на моих руках.

— Я видел достаточно чужого, чтобы не давать каждому явлению готовое имя.

Дален был прав. Безымянному всё равно хотелось ударить — не его, а порядок, при котором сведения о собственном прошлом лежали в чужих донесениях и доходили до него случайно.

— Она опасна? — спросила Линн.

Дален пожал плечами.

— Рунник у моста сказал: опасен любой маг, пришедший через разлом. Потом она залечила ему ожог и ушла, не взяв платы.

— Значит, добрая, — решил Ровик.

— Значит, помогла одному человеку, — поправил безымянный. — Остального мы не знаем.

Мальчик задумался.

— Ты тоже помог одному. И ещё нам.

— Это не делает меня безопасным.

— Почему взрослые всё время говорят так, будто хороший и безопасный — разное?

Мейра ответила:

— Потому что добро иногда идёт туда, где опасно. А безопасное иногда закрывает ворота. Таррен тронул лошадь.

— Давайте философию оставим тем, у кого два целых колеса про запас.

Они пошли дальше.

Безымянный старался не смотреть в воду. Пепельная линия появлялась всё равно — в мокром ободе телеги, на металлической пряжке Далена, в глазу лошади. Каждый раз вела немного иначе.

К женщине, которая искала его, — или к тому, что научилось идти по её следу.

У размытого кювета лошадь вдруг остановилась сама. Она не испугалась и не захромала, только вытянула шею и тихо фыркнула в траву. Там, где вода с дороги должна была смыть следы, лежала короткая полоса серого пепла. Она шла от перевёрнутой тележной оси к двум камням и обрывалась у мокрой земли.

Безымянный присел, не касаясь её пальцами. Пепел не рассыпался от ветра. Под ним проступили три тонкие линии: одна отворачивала взгляд от кювета, вторая удерживала край дороги, третья была оборвана так ровно, словно тот, кто её чертил, остановился не от ошибки, а по собственной воле.

— Руна? — спросил Дален.

— Запрет, — ответил безымянный. — Короткий. Чтобы не пустить сюда то, что идёт по следу крови.

На дне кювета темнели полосы, будто кого-то волокли к дороге. Ни тела, ни оружия не осталось. На камне сохранились только засохшая кровь и отпечаток узкой подошвы, ведущий обратно к тракту.

— Она была здесь, — сказал Ровик.

— Кто? — спросила Мейра.

Мальчик кивнул на серый пепел.

Безымянный не знал, почему поверил ему раньше, чем успел подумать. Знак был знакомым не по памяти — по тому, как боль под ключицей отступила на полшага, не требуя взамен ничего.

— Женщина, — сказал он. — Она остановила кровь и ушла. Не повела раненого за собой. Таррен посмотрел на пустой кювет.

— Значит, у неё были причины не тащить незнакомца по дороге. Это доказывает только одно: она умеет оставлять людей живыми.

— Этого пока достаточно, — сказал безымянный.

Он не назвал её спасительницей. Но след уже нельзя было принять за ложь.

* * *

Фонарь Старой Межи погас, когда до него оставалось меньше версты.

Свет исчез разом, не ослабнув и не мигнув: в один момент горел над холмами, в следующий пропал, будто кто-то накрыл башню ладонью.

Таррен остановился.

— Нет.

В этом слове было больше усталости, чем страха.

— Возможно, фитиль выгорел, — сказал Дален.

— Фитиль мигает. Масло чадит. Этот просто пропал.

Безымянный вынул дорожный амулет. Камень внутри дрожал, но не от ложного направления. Четыре зарубки нагревались по очереди, словно знак не мог решить, где находится север.

Позади дорога оставалась видна. Впереди вместо двора тянулись холмы, которых прежде не было.

— Мы снова в петле? — спросила Линн.

Дален осмотрел следы.

— Колесо идёт вперёд. Собственных отпечатков перед нами нет.

— Значит, хуже, — сказал Таррен.

— Почему?

— В петле хотя бы знаешь, что место врёт. Здесь место новое.

Ровик показал в сторону канавы.

— Женщина пошла туда.

На мокрой траве лежала серая линия. Она тянулась с дороги к ряду редких деревьев. За ними виднелись две разрушенные стены и остаток каменной арки.

Дален узнал место.

— Часовня путевых рунников. Она должна стоять после Старой Межи, не перед ней.

— Дорога переставила постройку? — спросил Таррен.

— Или переставила нас.

Холод усилился. Мейра задрожала под плащом. Ночь на открытом тракте была опаснее руин, но след слишком явно вёл под арку.

Таррен посмотрел на безымянного.

— Ты говорил, знак идёт рядом.

— Говорил.

— Теперь он ведёт.

— Да.

— И мы всё ещё не знаем куда.

— К укрытию, которое может быть ловушкой.

— Очень полезно.

Мейра сказала из телеги:

— Таррен, если хочешь стоять на ветру из принципа, сними с меня второй плащ и стой один.

Он сдался.

К часовне подъехали медленно. Безымянный шёл первым, меч держал в руке. Серая нить проходила под аркой и исчезала у каменной чаши.

От постройки сохранились две стены, часть крыши и полукруглая площадка. Вейрнские руны Памяти были вырезаны вдоль пола. Когда-то путники оставляли здесь имена погибших на дороге, а рунники удерживали их до передачи в местные книги.

Теперь большая часть знаков покрылась копотью. Некоторые имена повторялись. Другие были стёрты до гладкого камня.

Внутри никого не было.

Безымянный проверил углы, обошёл чашу, осмотрел крышу. Следов гончих не было. На пыльном полу сохранились только человеческие отпечатки: один человек в лёгкой походной обуви шёл неровным шагом от чаши к стене.

Здесь могла пройти сама женщина. Или только её образ, протянутый по нити.

Телегу поставили под уцелевшей частью крыши. Лошадь привязали так, чтобы можно было быстро вывести. Таррен проверил все камни ногой. Дален начертил у входа слабую сторожевую руну. Линн собирала сухие ветки, не касаясь линий на полу. Ровик сидел возле матери.

Огонь развели в старой жаровне. Дым уходил через дыру в крыше.

— На сколько мы сбились? — спросила Мейра.

Дален разложил карту.

— Не могу определить. Часовня отмечена к востоку от двора. Если карта верна, мы прошли его и не заметили.

— Невозможно, — сказал Таррен. — Там стена, башня, ворота.

— После оврага невозможным плохо мерить расстояние.

Безымянный подошёл к чаше.

Чаша стояла на низкой каменной подставке, не вделанная в пол. Её выдолбили из одного куска светлого камня — две пяди в ширину, с двумя стёртыми выемками по бокам, за которые прежние рунники переносили её к именному кругу. На дне оставалось немного дождевой воды, хотя крыша закрывала её. Вокруг шли руны Памяти: имя, событие, свидетель, передача. Простая архивная вязь: не возвращала мёртвых и не показывала прошлое, только удерживала запись, пока живой свидетель не подтвердит её в другом месте.

Пепельная нить легла поверх формы, не совпадая ни с одним углом.

— Не трогай, — сказал Дален.

Безымянный посмотрел через плечо.

— Почему?

— Памятные чаши берут имя свидетеля. У тебя его нет.

— Может, поэтому ничего не произойдёт.

— Или возьмут то, что ближе всего к имени.

Он считал память ценой, которую уже заплатил. Другого объяснения у него пока не было.

Он не коснулся воды. Сел напротив и наблюдал.

Сначала в чаше отражался огонь. Потом пламя стало синим. Над ним появились женские руки, испачканные рунной золой.

Они дрожали.

Пальцы выводили поисковую связку на чёрном камне. Кровь из пореза на запястье текла вдоль знаков. Женщина повторяла одну и ту же последовательность, каждый раз меняя угол последней линии.

— Связь. Память. Поиск, — шептала она. — Не имя. Имя сторело первым. Ищи обет. Ищи то, что выбирает снова.

Безымянный наклонился ближе.

Отражение показывало запись, оставленную в нити раньше — быть может, сразу после битвы.

— Что за обет? — спросил он.

Руки продолжали работу.

— Если ты увидишь, не отвечай вслух. Связка повреждена. За ней могут смотреть.

Он закрыл рот.

Изображение сменилось. Те же руки лежали на его груди. Под ними раскрывались пепельно-белые руны. Женщина плакала без звука и продолжала удерживать знак.

— Ты сказал, что вернёшься, — прошептала она. — Но никогда не говоришь, кем.

В воде появились её губы. Лицо выше носа оставалось вне отражения.

Губы произнесли имя.

Ожог вспыхнул раньше, чем звук дошёл до сознания.

Он упал на колени. В ушах загрохотало белое небо. Кто-то держал его за плечи, но руки казались далёкими.

— Эй! — голос Таррена. — Оттащи его от чаши!

— Не касаться воды! — приказал Дален.

Безымянный увидел женщину на поле чёрных копий. Она бежала через пепел, протягивая руку. Между ними закрывался разлом. На её лице были ужас и ярость.

Потом всё исчезло.

Он лежал на каменном полу часовни. Таррен держал за ворот плаща. Дален направлял меч на чашу. Мейра прижимала детей к себе.

Вода стала чёрной.

— Что ты видел? — спросил Дален.

Безымянный сел. Во рту ощущалась кровь.

— Женщину.

— Ту, что ищет?

— Да.

— Имя?

— Она произнесла моё. Ожог не дал услышать.

Таррен отпустил ворот.

— Значит, знает тебя.

— Или знает, как причинить боль.

Из чаши донёсся тихий стук.

Один раз.

Второй.

Ровик закрыл уши.

— Дверь, — сказал он.

Безымянный взял горсть золы из жаровни и бросил в воду. Отражение погасло. Стук прекратился.

— Больше никто не смотрит, — сказал Таррен.

— Нельзя, — ответил безымянный. — След уже увидели.

За пределами часовни в темноте хрустнула ветка.

Дален погасил огонь ногой.

Тьма вошла через пролом в крыше. Осталась лишь слабая янтарная линия сторожевой руны у арки.

— Все за телегу, — тихо сказал безымянный.

Таррен помог Мейре подняться. Линн потянула Ровика. Лошадь нервно переступала, повод звякал о камень.

Снаружи снова хрустнуло.

Потом человек застонал.

Звук не походил ни на вой гончей, ни на знакомый голос, украденный шептуном. Короткий стон оборвался, будто человек попытался не выдать себя.

— Не выходить, — сказал Дален.

— Если раненый? — спросила Мейра.

— Если настоящий, дойдёт до руны.

За стеной зашуршала трава. Кто-то полз. Сторожевой знак у входа вспыхнул, но не серым и не чёрным — обычным жёлтым предупреждением о живом теле.

На пороге появилась рука. Пальцы были в дорожной перчатке с бронзовой нашивкой гонца.

Дален узнал знак.

— Сигнальная служба.

— Это ничего не доказывает, — напомнил безымянный.

Человек подтянулся к арке. Молодой мужчина в коротком сером плаще, грудь перевязана ремнём. За спиной висел цилиндр для донесений. На левой руке — сломанный сигнальный жезл. У правого бедра болталась узкая кожаная кобура с короткой сигнальной ракетницей; клапан сорвало, но красная трубка заряда ещё держалась в гнезде. Лицо гонца было залито кровью.

— Свет... — выдохнул он. — Я видел свет.

— Назови себя, — потребовал Дален.

— Тевен Орс. Гонец второго моста. Код смены — три медных, один белый.

Дален ответил:

— Отзыв?

— Белый не горит без свидетеля.

Правильная служебная формула. Но шептуны могли вытащить её из памяти.

Безымянный показал на сторожевую руну.

— Пересеки медленно.

Тевен протянул руку через арку. Янтарная линия осветила кожу, задержалась на крови и пропустила. Чужой воли знак не обнаружил — или не умел обнаруживать её в такой форме.

Они втащили гонца внутрь.

Рана оказалась от когтей: четыре полосы через грудь, одна глубокая. Края не чернели, но из них сыпалась мелкая стеклянная крошка. Тевен попал не к гончим.

— Что напало? — спросил безымянный, разрезая рубаху.

— На навесе. Стекло поднялось... сложилось в человека. Потом перестало быть человеком.

— Где навес?

— По дороге к Старой Меже. Полверсты от двора.

Таррен выругался.

— Мы должны были пройти его раньше часовни.

— Дорога повернулась, — сказал гонец. — Указатели менялись, пока не погасли. Я шёл на фонарь. Потом увидел другой свет здесь.

Безымянный осмотрел стеклянную крошку в ране. Каждый осколок отражал не часовню, а белую башню. Пепельная нить прошла через кровь Тевена.

— Кто был у второго моста? — спросил Дален.

— Рунники. Беженцы. Женщина из пепла.

Безымянный замер.

— Расскажи о ней.

Тевен попытался сфокусировать взгляд.

— Светлые волосы. Руки обожжены. Пришла с западной стороны, где нет перехода. Спросила, не видели ли человека в чужой броне. Не назвала имени. Нарисовала на воде серую связку.

— Когда?

— Вчера. Или сегодня. После вспышки часы на мосту пошли назад.

— Куда она направилась?

— Нить показала север. Она пошла на север. Через час нить показала юг, и она вернулась.

Потом сказала, что след раздвоился: один принадлежит тому, кого ищет, другой — чему-то, что научилось идти рядом.

По часовне снова прошёл стук.

— Она называла себя? — спросил безымянный.

— Рунница... — Тевен закрыл глаза. — Имя длинное. На «Э» или «Л». Не удержал. Когда пытался повторить, сигнальная пластина обожгла язык.

Ожог защищал не только память безымянного. Повреждённая нить мешала свидетелям передавать имя, пока связь оставалась нестабильной.

— Что ещё сказала?

— Если встречу тебя... — Гонец посмотрел на чужую броню и пепельные линии на руке. Понял. — Это ты.

Дален поднял меч чуть выше.

— Продолжай сообщение.

— Она велела не говорить имя. Сказать: «Я не успела удержать тебя там. Но удержу след здесь». И ещё...

Тевен закашлялся. Кровь выступила на губах.

— Ещё что?

— «Не верь мне сразу».

Безымянный ожидал предупреждения, признания, просьбы. Последнюю фразу мог оставить человек, понимавший его лучше, чем он сам. В ней не требовали доверия; ему оставляли право сомневаться, и потому она убедила сильнее обещания.

— Почему ты шёл к Старой Меже? — спросил Дален.

— Донесение. Фонарь двора погас. Нужен рунный фитиль. Грейсвалл ответил один раз: помощь не вышлет. Я нёс схему обхода к старому складу.

Тевен попытался снять цилиндр. Пальцы не слушались. Дален помог.

Сначала он отстегнул кобуру, чтобы та не давила на бок раненого. Проверил красную трубку, закрыл сорванный клапан ремешком и положил ракетницу рядом с сигнальным жезлом.

— Один аварийный заряд, — сказал он.

— Последний, — подтвердил Тевен. — Красный. Если дорога уже у ворот.

Печать Грейсвалла оставалась целой. Внутри лежали карта и короткий приказ: двору держаться до следующего сигнала, беженцев направлять малыми группами, людей с рунными отклонениями отмечать отдельно.

Таррен прочёл через плечо.

— Помощь не вышлет, но считать нас не забудет.

— Есть схема фитиля, — сказал Дален.

— Бумага не горит вместо масла.

Мейра остановила их:

— Сначала человек.

Безымянный вынимал стекло из раны пинцетом из набора Далена. Осколки сопротивлялись. Стоило поднести к огню, поворачивались отражённой башней к лицу. Один раз из крошечного стекла посмотрел женский глаз. Он не успел разглядеть цвет.

— Не смотри, — предупредил Тевен. — На навесе оно выбирало, откуда ударить, по глазам.

— Кто «оно»?

— Не знаю. Сначала заражённый ратник. Потом женщина. Потом я сам.

Безликий шептун или другая тварь, научившаяся использовать отражения.

Последний осколок сидел возле ребра. Если вытаскивать, кровотечение усилится. Оставить — нить продолжит проходить через кровь и покажет часовню преследователю.

— Придётся вынуть, — сказал безымянный. — Будет много крови.

Тевен кивнул.

— Делай.

Таррен держал плечи, Дален прижал ткань. Безымянный вытащил стекло одним движением. Кровь хлынула. Мейра подала чистую повязку — последнюю из тех, что предназначались ей.

— Тебе нужнее, — сказал безымянный.

— Моя рана не показывает дорогу тварям.

Они зажали грудь гонца. Дыхание выровнялось, но оставалось слабым.

Стеклянные осколки на полу начали двигаться.

Один повернулся к другому, затем третий. Они складывались в тонкую линию от крови Тевена к выходу.

Пепельная нить проявилась на каждом.

Рядом с ней проступал второй знак — чёрный, угловатый, похожий на раскрытую пасть.

— Оно идёт, — прошептал гонец.

Снаружи сразу в нескольких местах хрустнули ветки.

* * *

Защищать часовню было почти невозможно. От неё остались две стены, пролом в крыше и широкая арка. Старая памятная вязь удерживала имена, но не останавливала тело. Сторожевая руна Далена предупреждала о чужой воле только на входе.

— Уходим, — сказал Таррен.

— Телега не развернётся быстро, — ответил Дален. — На дороге нас догонят.

— Здесь зажмут.

— Тогда сделаем один вход, — решил безымянный.

Они поставили телегу поперёк пролома между стенами. Таррен снял один борт и укрепил арку. Дален натянул верёвки с жестяными чашками из имущества Олстов. Линн перенесла горящие ветки в три точки, чтобы отражения не могли использовать одну общую тень. Мейра осталась с детьми и Тевеном за каменной чашей.

— Если стекло внутри начнёт двигаться, — сказал безымянный, — засыпьте золой. Не водой.

— Почему? — спросила Линн.

— Вода даёт отражение. Зола забирает.

— А если зола не поможет?

Он протянул ей плащ.

— Накрой и не смотри.

Первой пришла гончая.

Она показалась у края янтарного света и не вошла. Шерсть мокрая, красные глаза тусклые. На боку тянулась серая линия. За ней появилась вторая, третья.

Они не нападали. Окружали часовню, поворачивая головы синхронно.

Затем между ними прошёл человек.

Серый патрульный плащ. Лицо Севрана Дола.

— Ты оставил нас без могилы, — сказал он.

Безымянный не ответил.

— Обещал передать слова Орвену. Вместо этого ушёл за женщиной.

Дален побледнел, но удержал меч.

— Это не Севран.

— Я знаю.

Фигура сменила лицо. Теперь Кайр Вен держал деревянную птицу.

— Ты забрал дорогу мёртвого и отдал её случайной семье.

Потом женщина из нити — лицо всё ещё скрыто дымом.

— Ты идёшь слишком медленно. Я снова потеряю тебя.

Шептун не знал его прошлого. Он бил тем, что успел собрать после пробуждения: услышанными обещаниями, виной, именами мёртвых.

— Спроси о неизвестном, — напомнил Дален.

Безымянный поднял меч.

— Как зовут женщину?

Фигура улыбнулась лицом без черт.

— Ты не удержишь.

— Где она сейчас?

— Рядом.

— Что я отдал при возвращении?

Тварь ответила:

— Имя.

Ответ был слишком очевиден. Память могла быть лишь закрыта, а настоящая цена — скрываться глубже.

— Что было на цепочке у меня на груди?

Шептун замолчал.

Безымянный бросился.

Фигура распалась до удара. Гончие одновременно ринулись к стенам.

Первая прыгнула через арку. Сторожевая руна вспыхнула, замедлила её на мгновение. Дален пробил грудь копьём. Вторая полезла под телегой. Таррен опустил борт, прижал к земле и рубил топором по лапам.

Третья бросилась на безымянного. Он встретил клинком, но серая линия на боку перешла на металл. В лезвии отразилась женщина. Она что-то кричала.

Он не услышал. Гончая ударила плечом, сбила с ног.

Жестяные чашки зазвенели на задней стене. Ещё одна тварь пыталась перелезть через крышу.

Линн крикнула предупреждение. Дален развернулся, но опоздал. Гончая упала внутрь, прямо возле Тевена.

Ровик закрыл мать собой, подняв маленький деревянный щит из вещей патруля. Мейра схватила горящую ветку и ударила зверя по морде. Пламя не обожгло заражённую шерсть, зато ослепило.

Тевен, едва живой, поднял сигнальный жезл. Сломанная руна дала одну белую вспышку.

Гончая замерла.

Линн вонзила кухонный нож в красный глаз.

Тварь рухнула рядом с чашей.

— Я сказала, нож пригодится, — выдохнула девочка.

У арки шептун собирался заново из отражений на мокрых камнях. Каждый огонь создавал для него новую поверхность в чужих глазах.

Тварь не входила телом. Гончие заставляли людей смотреть во все стороны, а она ждала, когда пепельная нить проявится на крови и выдаст точное место ожогов.

Нужно было лишить её отражений, не оборвав связь с женщиной.

Безымянный отбросил меч к чаше, обхватил её за боковые выемки и рванул на себя. Камень оказался тяжелее, чем выглядел. Рана в боку раскрылась под повязкой; ноги на мгновение перестали держать. Он всё же сорвал чашу с низкой подставки и опрокинул на край.

Чёрная вода разлилась по полу. Вся часовня на миг стала одним отражением; в нём возникли десятки лиц.

Но памятные руны требовали свидетеля и имени. Шептун не имел собственного имени. Когда он вошёл в чашу, вязь попыталась записать его и не смогла.

Фигура застряла между отражениями.

— Дален! Имена погибших!

Патрульный понял.

— Марс Эйд! Хейн Тар! Лорн Вест!

Каждое имя занимало место в памятной вязи и вытесняло безымянную тварь.

Таррен выкрикнул:

— Кайр Вен!

Безымянный добавил:

— Севран Дол. Ивар Тенн. Сорн Майл.

Тевен прошептал имена погибших у второго моста. Мейра назвала соседей, оставшихся у их дома. Линн — старую женщину, умершую в первой телеге беженцев. Даже Ровик сказал имя коровы, чей голос использовала тварь в амбаре.

Памятный круг разгорелся.

Шептун дёргался между настоящими именами, не способный присвоить их все сразу. Его гладкое лицо треснуло.

Безымянный выдернул меч из разлившейся воды, шагнул вперёд и рассёк серую линию.

Тварь распалась не пеплом, а множеством отражений, каждое из которых вернулось к своему носителю или исчезло.

Гончие остановились. Серая нить на их боках погасла. Две продолжили бой как обычные заражённые звери. Третья отступила в темноту.

Безымянный и Дален добились оставшихся.

Потом стало тихо.

В часовне пахло мокрой золой, кровью и горелой шерстью. Опрокинутая вода стекала между плитами. Руна Памяти гасла, удержав больше имён, чем была рассчитана.

Тевен лежал с закрытыми глазами. Белая вспышка жезла забрала последние силы, но он ещё дышал.

— Передал, — прошептал он.

— Что? — наклонился безымянный.

— Сигнал. Один белый. Двор мог увидеть.

— А тварь?

— Тоже.

Тевен закрыл глаза, будто за этот ответ пришлось отдать остаток сил.

За холмами снова загорелся фонарь Старой Межи.

На этот раз он мигнул один раз белым в ответ.

* * *

Ответный свет означал, что во дворе оставались люди, но не обещал помощи.

Дален знал сигнальный порядок. Один белый: сообщение принято, положение наблюдают. Два белых потребовали бы выслать встречный дозор. Красный предупредил бы об угрозе у дороги. Фонарь больше не вспыхнул.

— Видели и решили ждать, — сказал Таррен.

— У двора может не быть свободных людей, — ответил Дален.

— У них никогда нет свободных людей, когда помощь нужна снаружи.

— Ты хочешь, чтобы они открыли ворота ночью и отправили последних стражей к часовне, где только что кричали твари?

— Я хочу хотя бы второй сигнал.

— Свет не становится честнее от количества.

Мейра оборвала спор:

— Тевену нужен покой. И всем нам тоже.

Уйти немедленно они не могли. Лошадь дрожала после нападения. На задней ноге появилась кровь — гончий коготь задел выше копыта. Новое колесо выдержало баррикаду, но кожаная прокладка сместилась. Тевен терял сознание. Руна у арки погасла.

Безымянный осмотрел дорогу. Тела гончих лежали у стен. След отступившей твари уходил к востоку, в сторону двора. Шептун исчез, однако серая пыль оставалась на мокрых плитах и собиралась в тонкие линии.

Пепельная нить тоже не пропала.

Теперь она проявлялась на разлитой крови. Серые знаки проходили поверх чёрной гончей жижи, не смешиваясь с ней. В одном месте линии Связи и Поиска сложились почти правильно. Рядом заражение вывело угловатую пасть.

Две вязи пытались читать друг друга.

Безымянный насыпал золу поверх крови. Знаки исчезли, но под золой продолжали медленно двигаться.

— Сожжём тела, — предложил Дален.

— Дым увидит двор, — сказал Таррен.

— В этом смысл.

— И все твари на дороге.

Безымянный покачал головой.

— Огонь не уничтожает заражённую ткань сразу. Пепел гончих может сохранить след лучше крови. Перенесём за памятный круг и накроем камнями.

— До утра? — спросила Линн.

— До утра.

Работали молча. Таррен и Дален волокли тела верёвками. Безымянный не касался серых линий голыми руками. Линн собирала осколки стекла из раны Тевена в глиняную миску. Ровик носил золу и ни разу не считал шаги вслух.

Мейра перевязывала гонца. Чистая ткань закончилась. Она сняла нижний слой собственной повязки и отдала ему, оставив рану закрытой грубым дорожным полотном.

— В Грейсвалле скажут, что ты потратила запас неправильно, — заметил Дален.

— Пусть сначала довезут меня туда, потом учат.

Тевен очнулся ненадолго.

— Женщина... — прошептал он.

Безымянный наклонился.

— Что о ней?

— Нить не вела её к тебе. Вела к местам, где ты мог быть. Разница важна.

— Почему?

— Потому что она всё время опаздывала.

— Она знала, что я жив?

— Говорила: знает. Рунник спросил, откуда. Она ответила: «Он продолжает выбирать».

Я не понял.

Безымянный понял лишь часть.

Нить не знала его имени и не держалась за тело. Она находила места, где он останавливался ради чужой беды: у телеги Олстов, в лагере патруля, возле разлома.

Когда на камне появлялся след, он уже уходил дальше.

— Она хорошо меня знала, — сказал он.

Тевен открыл глаза.

— Или хорошо знала, каким хочет тебя помнить.

Гонец снова потерял сознание, а сказанное осталось с безымянным.

Человек из её памяти мог не совпасть с тем, кто теперь шёл по Вейрну. Она сама просила не верить ей сразу. Быть может, такой встречи она боялась не меньше него.

К полуночи часовню укрепили. Телегу отодвинули от пролома, но оставили готовой перекрыть его. У входа Дален начертил новый знак.

Пепельная линия у чаши не исчезла до конца. Под золой время от времени проступал один серый угол, словно вязь проверяла, остались ли в часовне свидетели.

— Если она вернётся, разбудите меня, — сказал безымянный.

Таррен посмотрел на его мокрую повязку.

— Чтобы ты снова полез туда, откуда тебя вытаскивали за ворот?

— Чтобы проверить одно. Жива ли женщина и идёт ли по своей воле. Один отклик. Я не буду искать её мысли и не потяну нить к себе.

— «Один» — это сколько? — спросил Дален.

Безымянный посмотрел на чашу. Назвать предел оказалось труднее, чем намерение.

— Пока она не сделает один выбор, который можно увидеть. После этого я убираю руку.

Дален поставил возле арки ведро воды, а рядом — миску с золой.

— Если не уберёшь?

— Сначала Таррен скажет. Один раз. Потом ты зальёшь знак, не спрашивая меня.

Таррен скрестил руки.

— Я не рунник.

— Поэтому и прошу тебя. Ты будешь считать не линии, а моё слово.

Мейра затянула повязку на груди Тевена и только после этого подняла голову.

— Гонца в проверку не включать. Ни его кровь, ни то, что он видел.

— Не включать, — согласился безымянный.

Тевен приоткрыл глаза.

— И не принимай мой рассказ за её согласие.

— Не приму.

Договорённость не сделала нить безопаснее. Зато теперь у опасности появилась граница и люди, имевшие право остановить его.

Таррен дежурил первым. Безымянный хотел спорить, однако руки дрожали после руны, а рана в боку снова кровила.

— Ложись, — сказал возчик. — Если придут, разбужу.

— Ты не спал прошлой ночью.

— Я отец. Мы не спим годами, просто раньше это называлось детьми, а не тварями.

— Через час сменю.

— Через два.

Они сошлись на полутора.

Безымянный лёг возле каменной чаши, предварительно вытерев воду насухо. Под голову положил сумку с документами. Меч оставил в руке.

Сон пришёл мгновенно.

После полуночи Таррен разбудил его не для смены.

— Ты просил не давать тебе спать, если линия снова выйдет на камень.

На полу у чаши пепельная вязь действительно вернулась, но лишь частично: три серые черты лежали на мокрой плите, а между ними темнела выжженная ямка. Дален стоял у арки с ведром воды и миской золы. Тевен, не поднимая головы, слушал их дыхание.

— Один отклик, — сказал Таррен. — Ты сам предложил. Узнать, жива ли она и идёт ли по своей воле. Не искать, не звать, не лезть ей в голову.

Безымянный кивнул.

Он положил ладонь рядом с линией, не на неё. Ожог под ключицей отозвался холодом.

Сначала он увидел только каменный круг и женскую руку, обожжённую до запястья. Потом — саму женщину: она поднялась с колен, хотя ветер выворачивал её плащ, и отвернулась от серой нити, тянувшей прямо через поле.

Вдали ударил колокол.

Она посмотрела на него, затем на нить. Выбрала колокол.

У ручья лежал раненый рунник. Женщина остановила кровь, закрепила его сорванный знак и оставила возле огня, не ведя с собой. Когда чёрная трещина попыталась лечь поверх её следа, она провела вокруг себя короткий Запрет.

— Я иду, — сказала она кому-то, кого он не видел.

Отклик дрогнул. Серые линии начали гаснуть.

Безымянный должен был убрать руку.

Но ему показалось, что ещё одно мгновение ответит на вопрос, который жёг сильнее ожогов: была ли она рядом с Тевеном; почему оставила его; кого именно искала среди дорог.

Он удержал ладонь.

— Хватит, — тихо сказал Таррен.

В видении женщина повернула голову. За её спиной, в воде ручья, открылось небо без звёзд. Она не увидела его — или сделала вид, что не увидела. Чёрная нить вошла в серую по краю, как игла в шов.

Дален выплеснул воду поперёк знака. Таррен сразу накрыл мокрые линии золой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.